9(с)2
М-69

ЛИНКОР «МАРАТ»

Военмориздат-1942

в, островокъ песча-
тывала, не всходила,
ми слезами красны дѣ-
леный, красны дѣвицы съ
овались, на тебѣ ли, остро-
азставались.
овѣ, подъ развѣсистымъ топо-
евымъ, когда къ нимъ подошелъ

ь атаманъ Корела. Онъ долженъ
омъ. А коли и онъ во едину думу
гда и на Москву пойдемъ, Бориса
о гнѣзда, — говорилъ Треня. —
вѣры не даетъ.
ньевъ.
лазынькамъ повидать вновь золо-
имъ ступать по тѣмъ по дорожень-
ка, малыми ребятками хаживали,
Эхъ!

MAPAT

652/ч
+ К 2-85
253 9(С)2
М 69

Смерть немецким оккупантам

ИСТОРИЯ КОРАБЛЕЙ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА С ССР

2857

ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ „МАРАТ“

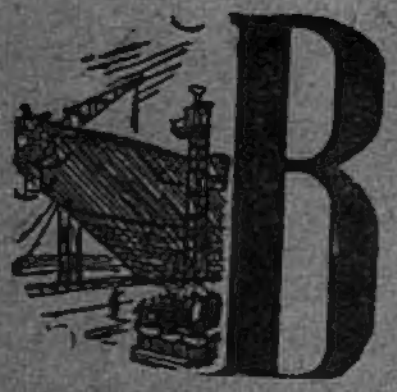
Исторический очерк
Н. Михайловского

Горбиблиотека
ПРОВ-59
82
ЦНХ

ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКВМФ СОЮЗА ССР
МОСКВА 1942 ЛЕНИНГРАД

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РОЖДЕНИЕ „ПЕТРОПАВЛОВСКА“



В солнечное утро 27 августа 1911 г. трудно было пробиться к гранитным парапетам Невы. Огромный людской поток заливал набережные. Тысячи людей любовались высившимся на стапелях Балтийского завода могучим корпусом линкора, на корме которого отсвечивало золотом гордое имя «Петропавловск».

У высоких крутых бортов корабля всю ночь суетились рабочие. Наконец настал долгожданный момент. Послышались сигнальные звонки, в рупоры прозвучали слова команды:

— По местам к спуску! Кильблоки вон!

Ответом был стук молотков. Быстро были разобраны кильблоки, выбиты спусковые стрелы, отданы спусковые курки, и вскоре стальная крепость плавно тронулась с места. С нарастающей быстротой громадное тело корабля ринулось к воде. Нева расступилась, чтобы принять новый боевой корабль.

Раздались ликующие крики, грянули оркестры. Прибывший на торжество крейсер «Адмирал Макаров» произвел орудийный салют.

Так было отмечено рождение линейного корабля, открывшего новую эру отечественного кораблестроения.

7—2

В русском морском министерстве целый год работала специальная комиссия. Плодом ее трудов явились тактические задания для будущих кораблей, призванных возродить могущество русского флота, ослабленного после русско-японской войны.

Был объявлен всемирный конкурс на составление проекта линейного корабля. Крупнейшие иностранные судостроительные фирмы старались получить выгодный заказ на постройку русских линкоров.

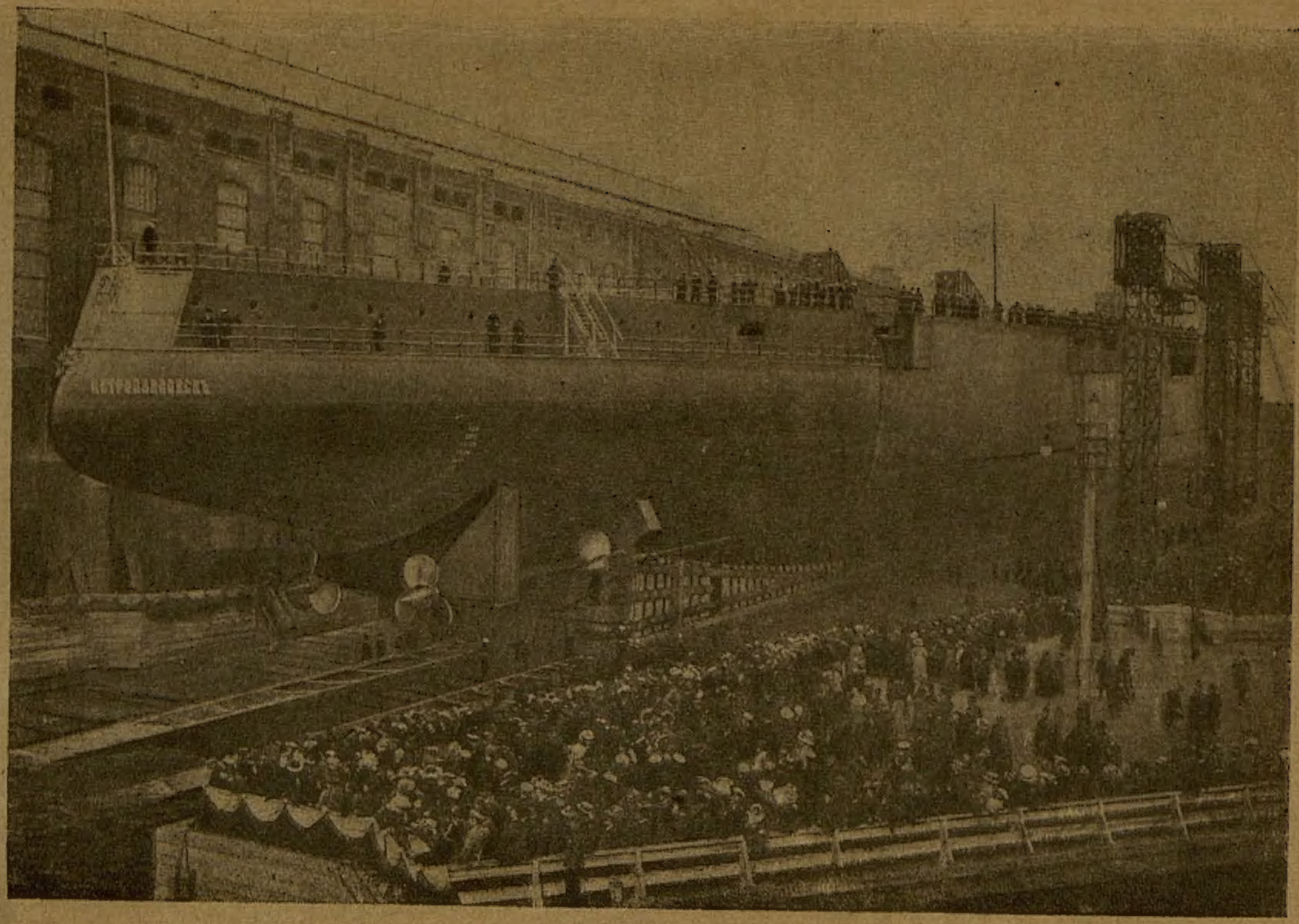
Морской технический комитет признал наилучшими проекты фирмы Блоом и Фосс и Балтийского судостроительного завода. Представленный Балтийским заводом проект конструкции корпуса был совершенно оригинальным и занимал первое место. Но Морской генеральный штаб не согласился с этой оценкой и настаивал на проекте инженера Куниберти, грешившем серьезными отступлениями от технических условий.

Тогда наш выдающийся современник, академик А. Н. Крылов, возглавлявший работу по созданию первых русских линкоров, заявил решительный протест. Он потребовал, чтобы проект, не отвечающий техническим условиям, был вовсе отстранен от участия в конкурсе.

Создали авторитетную комиссию. В нее входили члены Адмиралтейств-совета, главные командиры портов и полные адмиралы флота. Ясный и неопровержимый доклад А. Н. Крылова не оставил камня на камне от проекта Куниберти. Члены комиссии проголосовали за проект фирмы Блоом и Фосс. Всеобщее признание получил также проект Балтийского завода.

Фирма Блоом и Фосс за техническую помощь получила 250 тысяч рублей отступного, а заказ на постройку линкоров был передан Балтийскому заводу.

Техническое бюро Балтийского завода возглавлял прекрасный специалист — профессор Бубнов. Под его руководством над проектом работал большой коллектив инженеров, конструкторов и чертежников. Но душой всего



Спуск «Петропавловска» 27 августа 1911 года

дела оставался А. Н. Крылов. Через день он приезжал на завод, внимательно наблюдал за проектированием и вносил необходимые поправки. Все расчеты на прочность корабля, а также вообще все расчеты конструкции он проверял лично сам.

Однажды, приехав на завод, Алексей Николаевич посмотрел чертежи турбинных установок, их фундаментов и нахмурился. Его указания не были выполнены, и фундаменты проектировались без учета особенностей конструкции корабля. Это была вина главного инженера-механика, профессора Политехнического института Македонского. Крылов потребовал немедленно отстранить Македонского от должности и добился своего.

Пользуясь своим положением председателя Морского технического комитета, А. Н. Крылов не раз решительно вмешивался в ход строительства.

Работники механического отдела Морского технического комитета предполагали установить на линкорах котлы Бельвилля, которые при максимальном форсировании могли дать пар на 32 тысячи лошадиных сил, тогда как турбины могли развивать мощность в 45 тысяч лошадиных сил и довести скорость хода до 23 узлов. Если бы этот проект прошел, то скорость кораблей снизилась бы почти на два узла.

Крылов возмутился оплошностью механического отдела Морского технического комитета. Специальное заседание с участием опытных моряков-практиков, в том числе флагманских инженеров-механиков, полностью поддержало его. Все доводы представителей механического отдела рухнули. На линкорах было решено установить более мощные и более легкие котлы типа Ярроу.

Приходилось оберегать строящиеся корабли и от непомерных аппетитов поставщиков, пытавшихся нажиться на казенных заказах.

Объединение по продаже металла назначило цены на 25 процентов выше цен казенных металлургических заво-

Старый балтиец орденоносец Иван Иванович Хрипунков,
один из участников строительства корабля

дов. Крылов вызвал к себе представителя объединения и потребовал объяснений. Агент металлургических магнатов держался самоуверенно.

— А известна ли вам эта поучительная книжица? — спросил его А. Н. Крылов, протягивая «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных».

Агент поспешил откланяться.

Разговор этот происходил накануне торгов и сильно умерил пыл любителей легкой наживы. В результате А. Н. Крылов на одной только стали сберег для строительства около двух миллионов рублей.

В апреле-мае 1909 г. рабочие чертежи были готовы, а спустя месяц состоялась официальная закладка четырех линейных кораблей, получивших названия «Петропавловск», «Севастополь», «Гангут» и «Полтава». Первые два строились на Балтийском судостроительном заводе (ныне завод им. Орджоникидзе), а «Гангут» и «Полтава» — на Адмиралтейском судостроительном заводе (ныне завод им. Марти).

Днем и ночью над Невой стоял гул пневматических молотков. Множество людей было занято на строительстве гигантов.

Рядом со старыми мастерами работали молодые рабочие, только что пришедшие на завод. Весь опыт и уменье отдавали делу строительства корабля Иван Иванович Хрындиков, ныне орденоносец, спустивший на воду за свою жизнь большое количество кораблей, двое его братьев — Пётр Иванович и Фока Иванович, Михаил Нилыч Белокуров, Гаврила Никитич Березин, ныне тоже орденоносец, и другие балтийцы.

Строительство «Петропавловска» велось круглые сутки. Рабочий день строителей равнялся 10—12 часам. Сплошь и рядом рабочих заставляли даже ночевать на корабле, давая им для отдыха всего 4—5 часов в сутки. Но когда рабочие потребовали, чтобы им оплатили сверх-

Старый производственник Балтийского завода, участник строительства линкора Н. Березин

урочное время в полуторном размере, начальник завода Вешкурцев пришел в ярость:

— Никаких сверхурочных! Работать будете столько, сколько потребуется, а не хотите — выгоню за ворота! — кричал он явившейся к нему делегации рабочих.

Стапеля опустели. Собравшись во дворе, рабочие двинулись к воротам.

— Не выдавать номеров, не выпускать ни одного человека, — приказал охране начальник завода.

Но толпа прорвала заслон и хлынула через все проходы на улицу. Завод обезлюдел.

Упорство Вешкурцева удалось сломить, — на следующее утро он пошел на уступки. Однако зачинщиков забастовки арестовали, и многих ни в чем неповинных людей выбросили за ворота.

В вооружении и оснащении корабля механизмами принимали участие Обуховский завод (ныне «Большевик»), общество Путиловских заводов и другие предприятия. На новом корабле, в отличие от старых броненосцев, были приняты два калибра артиллерии — главный и противоминный. В годы империалистической войны была установлена и зенитная артиллерия.

В качестве главных механизмов впервые на русских линкорах устанавливались турбины, более легкие, мощные и экономные, чем поршневые машины. Орудия главного калибра, заключенные в башни, могли стрелять на оба борта и имели большой угол обстрела.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОРОД-ГЕРОЙ

Славное имя «Петропавловск» линкор получил в честь блестящей победы русских моряков над сильной англо-французской эскадрой в 1854 году.

...Камчатское побережье — это свободный выход России к Тихому океану. С начала Крымской войны, после разрыва дипломатических отношений с Англией и Францией, в Петропавловске-на-Камчатке с часу на час ждали появления вражеских кораблей.

Весь гарнизон Петропавловска состоял из 125 человек команды 47-го флотского экипажа, казаков и писарей. Командовал гарнизоном в этом глухом углу Российской империи контр-адмирал Завойко. С началом военных действий он получил в свое распоряжение еще 350 солдат — рекрутов Сибирского батальона, не нюхавших порохового дыма и даже не умевших как следует обращаться с оружием.

В распоряжении контр-адмирала Завойко были: 44-пушечный фрегат «Аврора» и 10-пушечный транспорт «Двина». Принимались срочные меры к укреплению Петропавловска. С помощью местного населения на окрестных сопках были установлены батареи, прикрывавшие подступы к наиболее уязвимым пунктам. Суда стояли в бухте, направив дула орудий в ту сторону, откуда ожидалось

появление врага. Орудия с противоположных бортов были сняты и установлены на берегу.

Контр-адмирал Завойко обратился к населению Петропавловска с таким призывом:

«Я надеюсь, что жители, в случае нападения неприятеля, не будут оставаться праздными зрителями боя и будут готовы с бодростью, не щадя жизни, противостоять неприятелю и наносить ему возможный вред. Я пребываю в твердой решимости, как бы ни многочисленен был враг, сделать для защиты порта и чести русского оружия все, что в силах человеческих возможно, и драться до последней капли крови; убежден, что флаг Петропавловского порта, во всяком случае, будет свидетелем подвигов, чести и русской доблести»[1].

Эти простые и мужественные слова всколыхнули население Петропавловска, и гарнизон города вскоре пополнился отрядом добровольцев.

17 августа 1854 г. с маяка заметили дымки неприятельских судов. Орудийный выстрел с Сигнального мыса возвестил о приближении неприятеля. Улицы города опустели. Солдаты, моряки и жители спешили на береговые батареи.

На следующий день вражеская эскадра направилась к Сигнальному мысу. Вероятно англо-французское командование не рассчитывало встретить здесь серьезное сопротивление. Но когда неприятельская эскадра приблизилась к узкому перешейку, с берега грянули первые залпы. Одна из бомб попала в кормовую часть флагманского корабля. Солдаты ближайшей батареи прокричали «ура».

Вражеская эскадра отошла на дальний рейд, куда не могли долететь русские бомбы.

Приближалась ночь. На батареях не спали, ожидая ночного десанта.

---

[1] Оборона Петропавловска-на-Камчатке. Воениздат, 1940. стр. 28.

Ранним утром 20 августа вражеские корабли стали приближаться к берегу. Первой открыла огонь батарея Сигнального мыса. К ней присоединились остальные батареи. Орудия вражеских кораблей ответили интенсивным огнем.

Воздух наполнился гулом канонады. Если одна батарея выбывала из строя, то солдаты, оставшиеся в живых, перебегали на соседние батареи и продолжали вести смертоносный огонь по врагу.

Как только корабли врага приблизились на расстояние пушечного выстрела к фрегату «Аврора», вдоль его борта сверкнули огненные языки. Фрегат, окутанный облаком дыма, вступил в бой.

Сбив две батареи, неприятель высадил десант. Французские солдаты подняли на берегу свой флаг. В этот момент «Аврора» и «Двина» открыли по ним огонь. Три удачно попавших ядра вызвали среди врагов панику. Десант в беспорядке откатился назад, подбирая на ходу раненых и убитых.

Артиллерийская дуэль прекратилась только к семи часам вечера. Неприятельские суда заняли исходное положение. Все следующие три дня неприятель заделывал многочисленные пробоины в бортах и палубах своих кораблей.

24 августа военные действия возобновились. Флагманский корабль взял на буксир два фрегата и расставил их на позиции против обороняющихся батарей. Один фрегат обстреливал батарею № 7 Карадова, второй — батарею № 3 Максутова, расположенную на Никольской горе.

Ураган огня бушевал над батареей Максутова. Дульная часть одной пушки была отбита, станок другой выбыл из строя, но защитники батареи продолжали держаться стойко и мужественно. Максутов сам помогал заряжать орудия.

Огонь двух вражеских фрегатов нанес батарее № 3 сильные повреждения. Воспользовавшись этим, с кораблей спустили шлюпки с десантом. Командир батареи Максу-

тов наскоро исправил поврежденное орудие и метким выстрелом потопил одну из шлюпок. Но дальнейшее сопротивление здесь было бессмысленным, и он приказал команде отступить.

Десант из 676 человек высадился на берег. Неприятельские войска, предвкушая легкую победу, бросились было к городу, но уцелевшая батарея № 6 встретила их картечью. Солдаты выбывших из строя батарей и матросы «Двины», тем временем сгруппировавшиеся на высокой горе, с громкими криками «ура» со штыками наперевес атаковали неприятеля.

Два с половиной часа длился ожесточенный рукопашный бой. Несмотря на свой численный перевес, враг не выдержал этого стремительного натиска. Неприятельские солдаты и офицеры бросались с отвесной горы и гибли в море. Другие нашли свою смерть в шлюпках, не успевших отойти от берега. Победителям достались офицерские сабли, знамя английской морской пехоты и планы неприятеля. Вражеские корабли поспешно снялись с якорей и в беспорядке удалились. Неприятель потерял около 300 убитыми и 162 ранеными. Со стороны русских было 32 убитых и 64 раненых.

Оборона Петропавловска-на-Камчатке вошла славной героической страницей в историю русского флота. Чтобы сохранить для потомства память об этой блестящей победе, было решено имя города-героя присвоить одному из русских военных кораблей.

Первый из трех кораблей, носивших это имя, бронированный фрегат «Петропавловск» был построен на Адмиралтейской верфи в Петербурге и спущен на воду в 1858 г. Он имел водоизмещение 6040 тонн, железную броню в 4½ дюйма, машину в 800 лошадиных сил. Артиллерийское вооружение фрегата состояло из двадцати 82-фунтовых нарезных и четырех 60-фунтовых пушек.

В 1894 г. Адмиралтейской верфью был построен эскадренный броненосец «Петропавловск» водоизмещением в

Так выглядел «Марат» до модернизации

10 960 тонн и скоростью хода 16,86 узла. Его вооружение состояло из четырех 12-дюймовых, двенадцати 6-дюймовых, сорока скорострельных пушек и шести минных аппаратов. Эскадренный броненосец «Петропавловск» участвовал в русско-японской войне.

Во время боевых операций под Порт-Артуром на «Петропавловске» держал свой флаг выдающийся русский флотоводец адмирал Степан Осипович Макаров. 31 марта 1904 г. «Петропавловск» подорвался на японской мине и затонул почти со всей командой. На броненосце погибли адмирал Макаров и его ближайший друг — художник Верещагин.

Линкор «Петропавловск» (ныне «Марат») был третьим кораблем, носившим это славное имя. Это была могучая бронированная крепость, способная вести бой с сильнейшими кораблями мира.

Постройка «Петропавловска» продолжалась пять лет — с 1909 по 1914 г. Корабль одевался в броню, на нем устанавливались котлы, машины, электрооборудование, над бортами поднимались грозные жерла дальнобойных орудий.

В морозные декабрьские дни 1914 г. новорожденный линкор вышел на ходовые испытания. После тщательной и многократной проверки «Петропавловск» поднял военно-морской флаг и отправился в главную базу Балтийского флота — Гельсингфорс.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

По замыслу командования, в дни войны флот Балтийского моря должен был поддерживать наступление армии в прибрежном районе. Но бои развертывались вдали от основных баз флота, и корабли не вступали в прямое соприкосновение с противником.

Верховное командование русской армии опасалось вводить в боевые действия новые линейные корабли, предполагая использовать их лишь в бою на центральной позиции в случае прорыва противника в Финский залив.

Но в 1915 г. командующий флотом Балтийского моря адмирал Канин сделал представление верховному командованию, настаивая на использовании новых кораблей для боевых операций.

«Это необходимо, — писал он, — для поддержания духа в личном составе, которому в огромной массе могут быть непонятны те мотивы, которые обрекают наши лучшие и сильнейшие корабли на оперативное бездействие...»

К осени 1915 г. линкоры было разрешено использовать, хотя и с оговоркой — только для постановки минных заграждений на главном оборонительном рубеже.

11 ноября в свежую погоду «Петропавловск» и «Гангут» вышли в южную часть Балтийского моря, сопровож-

дая крейсера «Олег», «Рюрик», «Баян», «Адмирал Макаров» и миноносец «Новик».

Отряд прошел мимо шведского острова Готланд и южнее его поставил в два ряда 750 мин на расстоянии 90 метров одна от другой.

Немецкие крейсера и миноносцы, курсировавшие в водах Балтики, не заметили русских кораблей.

Второй выход для постановки минных заграждений состоялся 5 декабря в составе той же самой эскадры плюс крейсер «Богатырь». В 14 часов корабли снялись с якоря на рейде у Эре и шли по стратегическому фарватеру.

К вечеру они миновали так называемую «опасную зону», в которой противником были поставлены мины. Корабли шли со скоростью 19 узлов.

К 8 часам утра 6 декабря отряд занял исходные позиции. На флагманском корабле перехватили радио противника, из которого узнали, что в южной части района действует неприятельский минный заградитель. Сразу были приняты меры предосторожности. Миноносец «Новик» вышел в дозор, охраняя район действия отряда русских кораблей. На этот раз в одну линию было поставлено 700 мин.

К вечеру в море разразился шторм силой до 10 баллов. Через палубу перекатывались потоки воды. Волны ударялись и дробились о надстройки. Крен корабля достигал 40 градусов. Это было серьезное испытание для корабля и его команды.

На утро следующего дня корабли вошли в Ревельскую бухту.

Насколько эффективны были русские минные заграждения, свидетельствует заявление немецкого военно-морского исследователя Генриха Роллъмана.

«Постановки минных заграждений, — пишет он, — незаметно проведенные русскими в период длинных ночей на подходах к Данцигу, Либаве, Виндаве, совместно с действиями подводных лодок на некоторое время стеснили

подвижность германского флота и ускорили увод крупных кораблей из Балтийского моря».

На протяжении всей империалистической войны немцы ни разу не решались войти в устье Финского залива, зная, что подступы к нему охраняет сильная эскадра линейных кораблей.

В результате кампании 1915 года потери немцев выразились в следующих цифрах: два погибших крейсера, два подорванных броненосных крейсера, три легких крейсера, один погибший заградитель, пять погибших эскадренных миноносцев, четыре поврежденных эскадренных миноносца, одна погибшая подводная лодка, шесть погибших тральщиков, четыре поврежденных тральщика, два погибших сторожевых корабля и два поврежденных дирижабля.

Русский флот потерял два заградителя, две канонерские лодки, две подводные лодки и два миноносца были повреждены. Неудивительно, что после ознакомления с докладом об итогах войны в немецком штабе морских сил была наложена резолюция:

«Война в Балтийском море очень богата потерями без соответствующих успехов».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МАТРОСЫ И ОФИЦЕРЫ

В период достройки «Петропавловска» команде приходилось тесно соприкасаться с рабочими Балтийского завода.

Однажды на баке во время перекурки пожилой мастер, ощупав внимательным взором окружавших его матросов, завел разговор о причинах войны, о ее виновниках, о шовинистической агитации, раздуваемой буржуазией, о том, кто выносит на себе тяготы войны.

Слова его встретили искреннее сочувствие у матросов.

— Известное дело, шум поднимают, а сами в тылу отсиживаются да загребают барыши.

После короткой беседы с матросами мастер дал некоторым из них свой адрес и пригласил заходить в ближайшее воскресенье. Так завязалась тесная дружба между рабочими-балтийцами и группой передовых матросов. Связь между ними поддерживал трюмный унтер-офицер. Однажды рабочие передали ему свернутую в трубку брошюру. Спрятав ее за подкладку бушлата, трюмный унтер-офицер принес брошюру на корабль. Это была работа В. И. Ленина «Что делать?» Книга обошла десятки рук.

Сапожная мастерская, примостившаяся на правом срезе, сделалась местом постоянных встреч революционно настроенных матросов. Обычно один из матросов стоял снаружи и при ближайшей опасности подавал сигнал. Нужно

было дернуть нитку, и какой-нибудь предмет падал со стола. Это означало, что приближается человек, при котором следует помалкивать. Для отвода глаз на столе были разложены карты и деньги.

Однажды унтер-офицер Пичугин, заглянув в сапожную, увидел целое сборище матросов, деньги, карты и донес начальству. Вскоре последовал приказ:

«...За игру на деньги, запрещенную Морским уставом, смещаю на оклад матроса 2-й статьи трюмного унтер-офицера Михаила Куропаткина на 6 месяцев, матроса 1-й статьи Григория Криволапого — на 4 месяца, трюмного Ивана Говорова — на 4 месяца, а трюмного Романа Ацкевича, усугубившего свою вину открытием для этой цели помещения, от которого у него были ключи, — на 6 месяцев. Унтер-офицера 1-й статьи Ивана Огибчука на первый раз арестовываю в особом помещении на 7 суток».

А матросы только посмеивались, понимая, что дешево отделались.

Война обострила противоречия между офицерами и матросами царского флота. Дворянские сынки, выходившие из Морского корпуса, презирали матросню. Строптивых или провинившихся матросов ставили под ружье. На матросском языке это называлось «стрелять рябчиков». У машинной команды всегда была «задолженность» по 20—30 часов, которые рано или поздно предстояло отстоять навытяжку, не шелохнувшись, с винтовкой в руках. Некоторым еще прибавляли ранец с пудом песка.

Среди офицеров было много самодуров, которые просто издевались над своими подчиненными. Как-то раз сигнальщик, принимая шифровку с соседнего корабля, не расслышал приказания мичмана Веселаго. Тот подошел к сигнальщику, размахнулся и ударил его по лицу.

Свирепым отношением к матросам выделялся старший офицер корабля Щербачев. Худой, скуластый, с черной повязкой на глазу, он часами рыскал по кораблю, награждая матросов зуботычинами, осыпая бранью.

Крепко ненавидели его матросы! По утрам в салоне командира обнаруживали анонимные письма с требованием немедленно убрать Щербачева, — иначе ему несдобровать.

Время было тревожное. Командование понимало, что шутить с огнем нельзя. Щербачева решили перевести на другой корабль.

Согласно уставу, офицер, переходя на другое место службы, прощался с командой.

Когда к трапу был подан катер для старшего офицера, на палубе выстроились все офицеры и матросы. Щербачев подошел к офицерам, вяло пожал им руки и поспешил на катер. Была подана команда «ура». Несколько офицеров ее подхватили. Матросы стояли молча. И это молчание было красноречивее слов. Крикнув два раза «ура», офицеры тоже замолкли.

Начальник дивизии линкоров вице-адмирал Кербер, помещавшийся со своим штабом на «Петропавловске», тоже не жаловал матросов и держал весь корабль в постоянном страхе.

Как-то раз после ученья адмирал вышел из рубки и наскочил на матроса.

— Как твоя фамилия? — гаркнул адмирал.

Матрос поднял глаза и, как ужаленный, метнулся в первый попавшийся люк. Адмирал метал гром и молнии.

— Немедленно подать сюда мерзавца!

Адмиральская вита бросилась на поиски дерзкого матроса, но обнаружить его не удалось. Матросы не выдавали товарища. Обозлившийся адмирал приказал 30 суток не увольнять команду на берег.

Стоило Керберу показаться на правом борту, как матросы и унтер-офицеры бросались на левый, боясь ни за что ни про что получить затрещину или угодить в карцер.

И только наиболее умные и дальновидные из офицеров видели растущую ненависть матросов и чувствовали себя как на вулкане.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРЕДВЕСТНИКИ ОКТЯБРЯ

Летом 1915 г. «Петропавловск» стоял на Гельсингфорсском рейде. В субботу 24 июля утром производилась генеральная приборка.

Сотни проворных рук терли палубу щетками, скатывали ее потоками воды, до блеска драили медяшку.

В это время сменились с вахты кочегары. Они шли в синем рабочем платье, с потными, грязными лицами. Тело горело и чесалось от угольной пыли. Хотелось скорее смыть грязь, переодеться. Но когда идет приборка, внутрикорабельные двери закрыты на все барашки.

Кочегары постучали в дверь. В узком отверстии показалось лицо унтер-офицера.

— Куда вас, «духи», несет нелегкая? — крикнул он с возмущением.

— Мы с вахты, разрешите пройти в баню помыться, господин унтер-офицер.

Унтер ухмыльнулся.

— Как же! Для вас только уборку и делали. Ну, довольно тут свинячить, марш в кочегарку.

Дверь наглухо закрылась. Кочегары топтались на месте и не знали что им делать. Подошел котельный инженер-механик Константинов.

— Вы что здесь околачиваетесь?

— Да вот не пускают.

Константинов потрогал запертую дверь, показал на верхний люк и посоветовал:

— Давайте по палубе! Никто не заметит, только быстро, полным ходом.

Кочегары один за другим полезли в узкую горловину.

На верхней палубе шли приготовления к подъему флага. Едва успели кочегары выбраться из люка, как на юте раздалась команда вахтенного начальника:

— Приборку прекратить, стать к борту!

Так бывало всегда за пять минут до подъема флага. Кочегары вытянулись и застыли в шеренге. Их заметил старший офицер корабля.

— Вы почему здесь?

— После вахты шли в баню, ваше благородие!

— Безобразие! — старший офицер добавил несколько крепких слов. — Переписать всех немедленно.

Кондуктор аккуратно записал фамилии кочегаров.

— Разойтись!

Но кочегары стояли как вкопанные. Они прекрасно знали, что им ни за что ни про что придется «стрелять рябчиков». Вдруг трюмный унтер-офицер Матвей Вавилов выступил вперед и сказал:

— Не расходись! Командиру пожалуемся, это неправильно! Пусть позовут старшего механика, он разрешил — пусть он и отвечает.

— Смирно! — гаркнул кондуктор. — Не разговаривать! Приказываю разойтись.

Кочегары продолжали стоять молча. Кондуктор убежал и вскоре возвратился со старшим офицером.

— Вы что, бунт затеяли? Зачинщики — шаг вперед!

Кочегары не двигались с места. Офицер подскочил к Матвею Вавилову и замахнулся.

— Это все ты, подлюга!

Вавилов машинально поднял руку, закрывая лицо от удара.

— Мы не виноваты, чего бьете, драконы! — крикнул кто-то в строю.

Офицер круто повернулся на каблуках, бросился в каюту командира корабля и доложил, что кочегары чуть его не избили.

Через несколько минут пришел инженер-механик Константинов. Повинуясь его приказу, кочегары покинули палубу. Но в донесениях по начальству этот случай был представлен как открытый бунт.

Лживые рапорты попали в руки Кербера. На следующее утро кочегаров по одному вызывали в каюту командира и учиняли допрос.

Пришло воскресенье, но команду не отпустили на берег. К вечеру корабли снялись с якоря. В море эскадра разделилась на два отряда: «Гангут» и «Севастополь» взяли курс к немецким берегам, «Петропавловск» и «Полтава» с миноносцами пошли в бухту Папонвик. На утро матросам открылась картина, при виде которой болью сжались их сердца. «Петропавловск» стоял в бухте, окруженный со всех сторон миноносцами. Сразу после побудки всех матросов согнали вниз на молитву. Пока корабельный священник служил литургию, к борту «Петропавловска» незаметно подходили катера с офицерами и вооруженным конвоем.

Провинившихся кочегаров содержали в кормовом кубрике. Теперь их по одному выводили к трапу, сажали на катера и отправляли на борт «Полтавы». Зачем это делалось — для всех оставалось загадкой. На палубе у люков стояла усиленная охрана. За всем происходившим матросы наблюдали украдкой.

В 10 часов утра на гротмачте «Полтавы» взвился гюйс. Матросы начали догадываться, что решается судьба их товарищей. Действительно, целый день на «Полтаве» заседал суд особой комиссии, и только после наступления темноты кочегаров доставили обратно на «Петропавловск».

Кочегарные унтер-офицеры Матвей Вавилов и Тимофей Фридрик, признанные зачинщиками бунта, были приговорены к лишению воинского звания, всех прав и к отдаче в исправительные арестантские отделения на пять лет каждый.

Кочегары 1-й статьи Иван Панько, Антон Вильчик, Иван Кожемяхин, Андрей Филон, Леонтий Поплавский, Николай Викулов, Матвей Езофатов, Доминик Венгловский, Фома Одерак, Борис Афонин, Иван Матюшин, Афанасий Балькин, Иван Жданов, Мартын Предит, Иустин Крепский, кочегары 2-й статьи — Сильвестр Мазура, Алексей Смолянинов, Иван Шумейко, Август Тятар и Василий Кузнецов — к отдаче в дисциплинарные батальоны на год и шесть месяцев, с переводом в разряд штрафованных.

Матросы 2-й статьи Павел Ефремов, Иван Соболев, Павел Кузнецов, Гавриил Абрамов и Егор Советов — к содержанию в военно-исправительной тюрьме на восемь месяцев с потерей прав и переводом в разряд штрафованных [1].

Втайне от матросов «Петропавловска» осужденных переправили в кронштадтскую тюрьму.

В команде началось глухое брожение. Большевики «Петропавловска» и других кораблей усилили революционную работу.

Ночь на 19 октября 1915 г. выдалась в Гельсингфорсе темная. Сигнальщики «Петропавловска» немало удивились, услышав в этот поздний час крики и переполох на верхней палубе стоявшего рядом линкора «Гангут».

— Что у вас происходит? — запросили они.

Последовал ответ:

— Матросы «Гангута» восстали.

Сигнальщики, поступая по уставу, дали об этом знать старшему офицеру корабля, а сами тайком известили товарищей. Еще 17 октября на «Гангуте» после вечерней молитвы на церковной палубе раздались шум и свистки. Офицерам с трудом удалось установить порядок.

---

[1] ЦГВМА, фонд 407, дело 399.

Теперь дело было куда серьезнее. Окончив погрузку угля, матросы пошли ужинать. В такие напряженные дни на ужин полагались макароны, а тут стали выдавать кашу, притом тухлую. Послышались крики:

— Не брать кашу! Не брать! Не брать!

Матросы разошлись по кубрикам. Старший офицер барон Фитингоф доложил о происшедшем командиру корабля. Тот, равнодушно выслушав претензию команды, распорядился взамен каши ничего не выдавать и, как ни в чем не бывало, отправился на берег. Между тем матросы не ложились спать. Раздавались выкрики:

— Долой офицерье!

— Довольно над нами измываться!

В темноте лавина взбудораженных людей хлынула на верхнюю палубу. Лейтенант Кнопфер хотел убрать трап. Из толпы в него запустили палкой. В инженер-механика Бернадского полетел металлический стержень, в лейтенанта Королева — кусок угля. Офицеры схватились за револьверы, и это еще больше разъярило матросов.

В 10 часов вечера несколько сот матросов заполнили верхнюю палубу, ударили в колокол, расхватали винтовки из пирамид. Никакие приказания и угрозы больше на матросов не действовали.

Многие матросы на «Петропавловске» проснулись и прислушивались к тому, что делается на «Гангуте». Не зная подробностей, они волновались и радовались за товарищей, отважившихся на открытое выступление.

Иное чувство — чувство тревоги и растерянности переживали в эти минуты офицеры «Петропавловска». Собравшись вместе, они обсуждали меры на тот случай, если восстание перекинется на «Петропавловск». За кубриками была установлена слежка; ключи от пороховых погребов были запрятаны подальше, чтобы — не дай бог! — во время восстания не взлететь на воздух.

Восстание на «Гангуте» было протестом против войны, скверной пищи и бесчеловечного отношения к матросам.

Инициаторы революционного выступления были приговорены к смертной казни, участники — к многим годам каторжных работ. Выступление «Гангута» показало сплоченность матросов, их ненависть к самодержавию. После этого выступления революционная пропаганда на кораблях еще больше усилилась.

Передовой, наиболее сознательной частью на «Петропавловске» были матросы машинной команды. До прихода во флот они работали на фабриках и заводах, многие состояли в революционных организациях. Многие из них были грамотными, политически зрелыми людьми, способными разбираться в создавшейся обстановке. По воскресеньям матросы небольшими группами отправлялись на прогулку за город, выбирая пустынные, безлюдные места, где можно было часами спокойно беседовать.

Излюбленным местом таких встреч было предместье Гельсингфорса «Карпаты». Небольшая группа матросов, в которую входили Куропаткин с «Петропавловска», Сладков — с «Александра II», Берг — с «Севастополя» и Аверичкин — с одного из миноносцев, собиралась чаще других.

В один из воскресных дней приятели, лежа в кустах, обсуждали события на «Гангуте».

— Всех не пересажаешь, — сказал Сладков. — На фронте развал, рабочие в Питере бастуют. Революция не за горами!

Какой-то штабс-капитан подошел и прислушался к разговору.

— Никак революцию готовите?

Матросы вскочили и вытянулись в струнку.

Штабс-капитан заметил у одного из них книгу и протянул за ней руку.

Сладков огляделся — вокруг никого. Удар матросского кулака сбил офицера с ног. Матросы бросились врассыпную и быстро затерялись в улицах Гельсингфорса.

Десятки петропавловцев прошли перед судом особой комиссии, сидели в тюрьмах, отбывали наказания в штраф-

ных батальонах. По делу о распространении на корабле нелегальной литературы были арестованы и переданы Гельсингфорсскому жандармскому управлению машинисты 1-й статьи Григорий Варюхин и Иван Хруля [1]. Кочегарный унтер-офицер Григорий Лысиков угодил в свеаборгскую тюрьму за то, что «позволил в письме к своему брату дерзостные слова по отношению к особе государя императора». Кочегар 1-й статьи Антон Гусько, впервые в жизни ступивший на палубу корабля, за «неумение» говорить с начальником был направлен в военно-исправительную тюрьму с последующим переводом в разряд штрафованных.

Репрессии усиливались, но большевики кораблей Балтийского флота не прекращали революционной работы.

23 декабря 1915 г. агентура военно-морского района в Кронштадте получила сведения, что на стоявшем в порту старом линкоре «Император Александр II» существует революционный кружок и что среди команды ходят прокламации Петроградского комитета РСДРП.

Организатором и руководителем кружка был артиллерийский унтер-офицер 1-й статьи Иван Сладков. Его выследили и арестовали в тот момент, когда он передавал литературу на другой корабль. При аресте у Сладкова обнаружили обращение к солдатам царской армии с призывом «обернуть штыки, на которые до сих пор опиралась власть, против самих угнетателей народа».

Захваченный у Сладкова листок бумаги содержал условные обозначения для тайной переписки между революционными организациями судов.

Давая объяснения на допросах, Сладков держался стойко, мужественно, как подобает большевику. Он ни в чем не сознавался, не расшифровал ни одного документа.

Кроме него были арестованы также матрос Михаил Филиппов с линкора «Петропавловск», матросы Хрулев и Ульянцев. Всем им было предъявлено обвинение в принад-

---

[1] ЦГВМА, фонд 477, дело 40.

лежности «к преступному обществу», которое имело цель «насильственно изменить существующий в России строй».

На процессе в качестве свидетелей выступали четыре агента финляндского жандармского управления. Ульянцев обвинялся в том, что, в качестве члена революционной организации, он поддерживал связи с Петроградским комитетом РСДРП, революционными кружками на кораблях, вел пропаганду, распространял большевистскую литературу.

«Свидетели» характеризовали Ульянцева как человека начитанного и умеющего складно говорить на темы, «матросам чуждые». Кто-то припомнил, что в разговоре Ульянцев не раз сетовал на то, что в России правительство ничего не делает для просвещения низших классов. Агенты охранки заявляли, что Ульянцев «всегда критически относился к окружающей действительности». На суде отмечалось также, что Ульянцев имел сильное влияние на матросов и пользовался среди них большим авторитетом.

Дело это рассматривалось 26 октября и 1 ноября 1916 г. военно-морским судом в Петрограде, под председательством генерал-лейтенанта Алабышева. Ульянцев был приговорен к восьми годам каторги, Сладков — к семи, другие члены организации — к тюремному заключению на разные сроки. 3 ноября приговор был объявлен и на следующий день вошел в законную силу.

Взрывом негодования встретила приговор команда «Петропавловска». К передовому, революционному ядру примкнули десятки матросов.

Еще в 1906 г., после подавления Кронштадтского и Свеаборгского восстаний балтийских моряков, в статье «Перед бурей» В. И. Ленин писал:

«Свеаборг и Кронштадт показали настроение войска. Восстания подавлены, но восстание живет, ширится и растет» [1].

---

[1] Ленин, Сочинения, т. X, стр. 25, изд. 2-е.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КРАСНЫЙ ФЛАГ НА „ПЕТРОПАВЛОВСКЕ“

Революция в Петрограде!

Петропавловцы ликовали. Матросы-большевики арестовали черносотенных офицеров. На общем собрании команда избрала судовой комитет.

Вечером 2 марта на мачте линкора взвился красный флаг. Судовой комитет вызвал дежурного электрика и приказал в знак солидарности с пролетариатом Петрограда включить на линкоре красные огни. Огни вспыхнули и тотчас погасли. Оказалось, что минный офицер приказал вывернуть предохранительные пробки. Боевое красное освещение вновь включили, и оно горело всю ночь. По примеру «Петропавловска» зажглись красные огни и на других кораблях.

Хозяином на корабле стал судовой комитет, состоявший из старых матросов.

Из представителей «Петропавловска», «Республики», крейсера «Россия» и берегового экипажа в Гельсингфорсе возник большевистский Свеаборгский матросский коллектив РСДРП. Матросы «Петропавловска» были душой коллектива. Они нашли маленький типографский станок и выпустили несколько листовок, в которых открыто заявили о недоверии к Временному правительству. На добровольные пожертвования матросов стала издаваться боль-

шевистская газета «Волна». В редакцию «Волны» петропавловцы делегировали своего товарища — Михаила Куропаткина. Просиживая ночи в редакции, Куропаткин утром, с двумя огромными тюками газет, отправлялся в гавань. Матросы «Петропавловска» и «Гангута» с жадностью набрасывались на свежие номера «Волны».

Меньшевистский лозунг — «война до победного конца» не пользовался на «Петропавловске» успехом. Команда принимала резолюции протеста против начавшегося наступления, требовала прекращения кровавой бойни. В июне 1917 г. Керенский решил заменить командующего флотом; вместо избранного самими моряками вице-адмирала Максимова он прислал контр-адмирала Вердеревского.

Флаг нового командующего взвился на посыльном судне «Кречет». Петропавловцы навели на судно дула своих орудий и под угрозой огня заставили спустить флаг. В знак протеста против самочинных действий Керенского флаг командующего флотом был поднят на «Петропавловске».

Керенский был взбешен. Он разразился гневным приказом.

«Командам Кронштадта, линейных кораблей «Петропавловск», «Республика» и «Слава», имена которых запятнаны контрреволюционной деятельностью и резолюциями, приказываю в 24 часа арестовать зачинщиков и представить их для следствия и суда в Петроград, а также принести заверения в полном подчинении Временному правительству»[1].

Петропавловцы дали Керенскому суровую отповедь. Один из матросов, выступая на митинге, говорил:

— Наши корабли заклеймены позорным пятном. Действительно ли они изменили родине и революции? Действительно ли на этих кораблях вместо матросов посажены агенты германского генерального штаба? Нет, это наглая клевета. Мы выносили резолюции против наступления и

---

[1] Сборник «Флот нашей Родины». Военмориздат, стр. 232.

хотели, чтобы вся власть перешла к советам. Мы от этого не отказываемся и отказаться не намерены. Нас упрекают в том, что мы идем против большинства, против демократии. Это тоже клевета. Наш народ всей своей жизнью, своей природой поставлен в иное положение. Возьмите рабочих и крестьян. Разве они не большевики от природы? Разве их сама жизнь не поставила на путь большевизма? Также и мы, матросы, находящиеся на этих «предательских» кораблях, являемся сынами пролетариата, и все то, что проповедуют большевики, нам ближе и дороже, чем пустые фразы так называемых «достойных и верных сынов родины и революции».

После июльских событий Временное правительство усилило гонения на большевистские организации. Были арестованы руководители Центробалта.

Как-то вечером в редакцию «Волны» явились трое неизвестных.

— Мы уполномочены правительством закрыть вашу газету.

— А мы не признаем ни правительства, ни вас и рекомендуем убраться подобру-поздорову,— решительно ответили матросы.

Неизвестные ретировались, а через час задребезжали окна, осколки стекол со звоном посыпались на редакционные столы, и в помещение ворвалась вооруженная банда. Трое громил набросились на одного из членов редакции. Через разбитые окна и двери на улицу полетели гранки набора, папки со статьями, все, что находилось в редакции.

Типографское и партийное имущество, вплоть до денежной кассы, было опечатано. Но большевики, работавшие в редакции «Волны», не опустили рук. В листовке, выпущенной на другой день после разгрома, они писали:

«Контрреволюционная буржуазия сделала удачный шаг. Наступление на фронте и контрреволюция в тылу — две стороны одной и той же медали. Победив в вопросе

наступления на фронте, буржуазия дала ход контрреволюции внутри страны. И первые свои удары она направила против партии пролетариата, против большевиков... Товарищи рабочие, солдаты и матросы! Перед вашими глазами протекает деятельность нашей партии здесь. На ваши рабочие, солдатские гроши мы с большим трудом наладили газету... Но против нее выдвинуто было обвинение, что «Волна» выходила на немецкие деньги. Матросы, солдаты, рабочие сами писали в газете, но орган пролетарской борьбы судили как орган немецких шпионов. «Волна» закрыта... арестованы вожди... За жизнь свою, отданную на служение народу, они снова в тюрьме. Хвала вам, социалисты-министры! От вас исходит поход на нас. Вы не только не отстали от германских Шейдеманов и французских Тома, вы перегнали и тех и других. Ваших имен история не обойдет молчанием... Вам не быть героями борьбы за освобождение. Мы не боимся тюрем... Мы, свергшие царизм, еще более крутым образом разделаемся с контрреволюцией, сами ее похороним и вобьем осиновый кол в ее проклятую могилу».

Матросы быстро собрали средства для организации типографии и возрождения «Волны». На Мариинской улице был снят маленький домик, установлено все необходимое оборудование. Газета продолжала выходить, изменив лишь название. Вместо «Волны» — «Прибой».

Керенский строго-настрого приказал порту оставить непокорный «Петропавловск» без топлива и продуктов. Судовой комитет ответил чрезвычайными мерами. Направив орудия линкора на портовые сооружения, он предъявил командованию порта ультиматум — в 24 часа прислать две баржи с углем и буксир с продуктами. Вооруженный пулеметом буксир «Петропавловск» направился к берегу. Портовое начальство безоговорочно выполнило требования большевистского корабля.

Все меры воздействия на матросов были исчерпаны, и Временное правительство решило послать в Гельсинг-

форс специальную комиссию. Комиссия явилась на борт линкора. Собрались матросы, судовой комитет «Петропавловска». Один из членов комиссии предложил матросам, поддерживающим Временное правительство, встать на правый борт, остальным, солидарным с большевиками, занять место на левом борту. Но председатель судкома с усмешкой возразил:

— Мы не на страшном суде, чтобы нас делили на правую и левую сторону. Петропавловцы сами понимают, с кем им нужно итти. Мы никогда не будем предателями интересов рабочего класса и крестьянства. Ваша болтовня, господа, нам давно надоела, цену всем вашим разговорам мы хорошо знаем... «Петропавловск» принадлежит большевикам, и только приказы большевистской партии для нас — закон. Советуем вам подобру-поздорову оставить линкор, а то будете списаны за борт.

Раздался взрыв смеха. Сконфуженные и не на шутку перепугавшиеся посланцы Керенского поспешили ретироваться. Вдогонку им неслись крики:

— Вира!.. Подтяните ремни, господа, а то штаны потеряете...

Через несколько дней прибыла в Гельсингфорс новая следственная комиссия, которую даже не пустили на палубу корабля. Вся ее деятельность увековечена двумя сохранившимися в архиве документами:

Документ № 1

«1917 г. июля 20 дня назначенная приказом по флоту и морскому ведомству от 12 сего июля следственная комиссия в помещении временного гельсингфорсского военно-морского суда производила осмотр № 72 газеты «Волна» от 10 июля 1917 года, причем оказалось: в означенной газете на 4 странице в отделе «Местная жизнь» помещена резолюция, принятая в Гельсингфорсе на судах «Слава», «Петропавловск», из 6 пунктов следующего содержания.

1. Наступление, начатое нами, ведет к отвлечению сил и внимания русского народа от революции.

2. Оно наносит удар в спину трудовым массам всех стран.

3. Оно усиливает позиции господствующих классов и правительств всех стран.

4. Оно организует и укрепляет контрреволюцию в России.

5. Оно вносит раскол в революционные настроения масс и напряжение всех сил для дела фронта, усиливает хозяйственную разруху.

6. Поэтому мы протестуем против начавшегося наступления и предлагаем съезду советов Рабочих и Солдатских депутатов остановить его и принять энергичные меры к скорейшему окончанию войны.

Принято было единогласно командами обоих судов при двух воздержавшихся».

Документ № 2

«Главному военно-морскому прокурору

Р а п о р т

На основании ст. 613 Военно-морского судебного устава следственная комиссия представляет вам, господин прокурор, законченные следственные производства на линейных кораблях «Слава» и «Петропавловск». При этом следственная комиссия считает долгом доложить вам, что на линкоре «Петропавловск» команда, отказавшись от дачи показаний по делу, представила взамен таковых следственной комиссии особую резолюцию» [1]. (Речь идет о резолюции, в которой петропавловцы категорически отказались назвать зачинщиков выступления против Временного правительства.)

---

[1] ЦГВМА, фонд 407, дело 223.

Так бесславно закончились попытки Керенского навести свой «порядок» среди революционных матросов.

«Петропавловск» был не только морской бронированной крепостью, но и крепостью большевизма. На линкоре насчитывалось несколько сот большевиков, полных решимости бороться за победу советской власти.

VI съезд большевистской партии, собравшийся 26 июля 1917 г. в Петрограде, был съездом подготовки к вооруженному восстанию. После июльских событий большевистская партия ушла в подполье.

«Мирный период революции кончился. Наступил период немирный, период схваток и взрывов» [1].

Эти слова товарища Сталина гулким эхом пронеслись по Балтике. Матросы «Петропавловска» накапливали силы, чтобы в нужный момент оказать поддержку партии и революционному народу.

Судовой комитет «Петропавловска» получил секретную телеграмму Центробалта: готовить линкор для перехода в Петроград. На корабле были подняты пары, приведена в готовность артиллерия. Но только стали сниматься с якоря, как пришло важное сообщение. Большевики Ревельской базы предупреждали о ловушке, которую готовил Керенский. Он распорядился выслать в море подводные лодки, чтобы на пути следования в Петроград пустить «Петропавловск» ко дну. Предупрежденный вовремя Центробалт отменил поход.

Во время корниловского контрреволюционного мятежа несколько тысяч вооруженных матросов Балтики выступили на защиту Петрограда. Среди них была группа моряков «Петропавловска».

«Считать преступление генерала Корнилова из ряда вон выходящей изменой и провокацией, за которую смерть может быть лучшим наказанием, — говорилось в резолюции команды корабля. — «Петропавловск» нахо-

---

[1] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 188—189.

дит, что никакие коалиции и ответственные министерства, как это показал опыт, не в состоянии вывести страну из ее критического положения, и прямой долг Советов взять всю власть в свои руки»[1].

Судовой комитет «Петропавловска» удалил с корабля все контрреволюционное офицерство. Четыре корниловских приверженца, заявившие судовому комитету о своей преданности контрреволюционному генералу, этим сами вынесли себе приговор. Они были расстреляны возмущенными матросами.

11 октября 1917 г. линкор стоял в Лаппвике. На корабле состоялось многолюдное и шумное собрание, на котором был переизбран судовой комитет. Представителем нового судкома команда избрала Г. Н. Боровикова, старого испытанного матроса-большевика, служившего на корабле с момента его вступления в строй действующего флота.

До вооруженного восстания оставались считанные дни. Судовой комитет наметил план действий. Сто матросов должны были направиться в Петроград, а остальные — помочь рабочим Гельсингфорса. Для выполнения этого плана необходимо было заблаговременно прибыть в свою главную базу.

Корабль снялся с якоря. Впереди шел миноносец.

Флагманский штурман сделал ошибку в прокладке курса. Внезапно почувствовался толчок. Корабль покачнулся, застопорил ход, винты бешено крутились, но линкор не двигался с места. Оказалось, что корабль наскочил носом на подводные камни.

Возмущенные преступной ошибкой штурмана, матросы хотели немедленно с ним расправиться: «Кто его знает, может, он с Корниловым заодно?» Вмешался судовой комитет. Флагштурман был арестован и отправлен в Центробалт.

---

[1] ЦГВМА, фонд 95, дело 14, часть 168.

Положение создалось тяжелое. Нагруженный топливом, боезапасом и продовольствием линкор глубоко сидел на камнях и подвести под его корпус понтоны не удавалось. Петропавловцы делали все, чтобы спасти корабль. В судовой комитет поступали десятки предложений. Но выход был один — разгрузить корабль и в облегченном виде стащить его буксирами с камней.

Время было тревожное. Застрявший на мели корабль мог оказаться легкой добычей врага. Приходилось торопиться. Но разгрузить предстояло пять тысяч тонн.

Из Гельсингфорса подали пустые баржи. Закипела работа. По трапам нескончаемой вереницей сновали люди с тюками угля, муки, крупы. На тележках по палубам подвозили снаряды. Люди работали без передышки, чуть ли не круглые сутки, но никто даже не думал об отдыхе. Сознание ответственности за корабль подгоняло матросов, заставляло расправлять уставшие плечи и скорее взваливать на них новый мешок.

Тем временем сто вооруженных матросов «Петропавловска» переправились на буксире в Гельсингфорс и оттуда поездом — в Петроград. Остальные продолжали работу.

Команда ликовала, когда корабль снялся с камней. Люди поработали не зря, большевистский судовой комитет умело руководил авралом. Вскоре корабль достиг места назначения.

Утром 25 октября к гранитной набережной Невы подошли пароходы, доставившие из Кронштадта и Гельсингфорса около десяти тысяч вооруженных моряков. Среди них были и матросы «Петропавловска». Матросы заняли мосты, вокзалы, телефонную станцию, встали на охрану Смольного. Вечером, по приказу Военно-Революционного Комитета, они вместе с солдатами и красногвардейцами, штурмом взяли Зимний дворец — последний оплот Временного правительства.

«Крейсер «Аврора» громом своих пушек, направленных

на Зимний дворец, возвестил 25 октября начало новой эры — эры Великой социалистической революции»[1].

«Петропавловск», находившийся в Гельсингфорсе, передал поздравление всем кораблям. В этот торжественный день кормовой флаг линкора был обвит красной шелковой лентой.

Великая Октябрьская социалистическая революция свершилась, но контрреволюция делала отчаянные попытки вырвать власть у большевиков.

9 ноября 1917 г. состоялся исторический разговор В. И. Ленина по прямому проводу с Гельсингфорсом.

«Нам нужно максимум штыков, — говорил Ленин — но только с людьми верными и готовыми решиться сражаться»[2].

Моряки-балтийцы немедленно откликнулись на призыв вождя. В Гельсингфорсе был сформирован отряд из полутора тысяч передовых матросов. В отряд вошла сводная рота от бригады линкоров — по одному боевому взводу от каждого корабля.

Помощником командира роты матросы избрали председателя судового комитета «Петропавловска» — Боровикова. Перед отъездом в Петроград он зашел попрощаться в Гельсингфорсский комитет большевистской партии.

— Настроение в отряде боевое, но плохо у нас с оружием. Артиллерии совсем нет, — сообщил Боровиков.

Руководители Гельсингфорсского комитета большевистской организации посоветовали ему обратиться в Петрограде прямо к Владимиру Ильичу.

Матросы высадились из теплушек на Финляндском вокзале и, во главе с Боровиковым, пошли к Смольному.

Короткое объяснение с комендантом Смольного, проверка мандатов, — и вот балтийцы шагают по длинному коридору. Кабинет Владимира Ильича. Через полуоткрытую дверь они слышат:

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 199.
[2] Ленин. Сочинения, т. XXII, стр. 27, изд. 2-е.

— А-а, делегаты от флота! Ну, ну, заходите.

Владимир Ильич поднимается из-за стола навстречу матросам, улыбается, крепко жмет им руки.

— Вот молодцы, что быстро прибыли. Очень кстати! — На последних словах Владимир Ильич делает ударение.

— Мы к вам с просьбой, Владимир Ильич. Отряд у нас большой, а артиллерии нет.

— Сейчас уладим, будет артиллерия.

Владимир Ильич вызывает управляющего делами Совнаркома Бонч-Бруевича. Тот немедленно явился.

— Моряки едут на фронт, под Нарву, — говорит Ильич, — необходимо срочно вооружить их пушками. Примите меры, чтобы они не задерживались. Ну, товарищи, желаю успеха!

Спустя несколько минут Бонч-Бруевич уже связался по телефону с артиллерийскими частями и выяснил, где можно раздобыть артиллерию и снаряды.

В одной из артиллерийских частей моряки получили три пушки и комплект боезапаса. Погрузив все боевое имущество на автомобили, Боровиков и его товарищи возвратились на вокзал к своему эшелону. Орудия установили на открытой платформе. К ним приставили корабельный орудийный расчет и отправились к линии фронта.

Первая ночь на фронте прошла в тревожном ожидании. С часу на час мог появиться враг.

— Необходимо выслать разведку. Кто хочет пойти? — обратился Боровиков к матросам своей роты.

Поднялись четверо молодых парней. Один был с «Гангута», другой — с «Полтавы», третий — с «Севастополя» и четвертый — с «Петропавловска».

— Итти в северном направлении, разведать силы противника в районе усадьбы и донести в штаб,— приказал командир разведывательной группы.

Положив в карман запасную обойму с патронами, петропавловец исчез в темноте. Прислушиваясь к каждому шороху, он быстро подвигался вперед. Вдруг в полутора-

двух верстах он заметил огонек. Огонек то угасал, то опять зажигался.

«Световая сигнализация», сообразил разведчик.

На первый взгляд, это были путаные, непонятные сигналы. Матрос долго присматривался к ним и, наконец, понял: сигнализация велась по азбуке Морзе, но загадочным шифром. Получались пустые, бессмысленные фразы: «У дома завод», «Ясное небо», «Густой плетень».

Разведчик вернулся в отряд. Фразы, которые он запомнил, в штабе сличили с шифром, перехваченным у пленного. Речь шла о подготовке к наступлению. Несколько фраз раскрыли замысел врага.

На следующую ночь матрос отправился опять к своему наблюдательному посту. Но время шло, а световые сигналы не появлялись. Начинало светать. Вдали стали вырисовываться постройки большой усадьбы. Ползком по кустам разведчик добрался до помещичьего дома. Еще несколько шагов — и он сможет заглянуть в окна первого этажа. Три фигуры с маузерами в руках выросли перед ним. Засада! Он бросил гранату, припал к земле. Но едва затих грохот взрыва, как сухо щелкнул выстрел. Матрос упал навзничь. Выстрел из-за угла оборвал прекрасную жизнь неизвестного моряка в потертом бушлате и черной бескозырке, на которой золотыми буквами сияло слово «Петропавловск».

Через несколько часов петропавловцы заняли помещичью усадьбу, захватив в ней банду белогвардейцев.

Петропавловцы отважно сражались на всех фронтах гражданской войны. Они ходили в разведку, командовали бронепоездами, помогали создавать молодые советские флотилии. В боях против Колчака, Юденича, Деникина, Краснова, Врангеля матросы «Петропавловска» показали себя верными сынами революции, беззаветно преданными партии и советской власти.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЛЕДОВЫЙ ПОХОД

Начало 1918 года Балтийский флот встретил в тревожной обстановке. В марте на полуострове Ханко (Ганге) появились немецкие десантные отряды. На улицах Гельсингфорса тайком расклеивались сфабрикованные эсерами предательские воззвания:

«Внимание! Оккупация Гельсингфорса германскими войсками предстоит в кратчайшем времени. Капитуляция по нужде неизбежна. Многие жертвы могут быть не принесены и участь гарнизона может быть улучшенной, если останутся суда, как военные, так и коммерческие, целы.

Командующий германским флотом в Финском заливе оставит на свободе и даст награду судовому составу каждого судна, которое останется неповрежденным.

Единоличные выступления, которые приводят в негодность свое судно, подвергаются строжайшему взысканию. Германский флот находится на подступах к Гельсингфорсу».

Но революционный флот помнил боевой ленинский приказ — собирать и вооружать отряды, спасать оружие и все, что может помочь защите молодой советской республики.

В кают-компании линкора «Андрей Первозванный» состоялось экстренное заседание. Собрались делегаты почти от всех кораблей. Среди них были Михаил Куропаткин и

несколько матросов «Петропавловска». Делегаты вспоминали о недавнем приезде Сталина в Гельсингфорс, о сказанных им словах: все опасности не страшны, если действовать смело, решительно и без колебаний.

— Во что бы то ни стало — в Кронштадт. Позор — если хоть один корабль достанется врагу, — говорил один из матросов.

Делегаты расходились по кораблям, полные решимости любой ценой пробиться к Кронштадту.

На улице кружила метель. Снег запорошил тропинки к стоянке кораблей.

Михаил Куропаткин с матросами направились прямо к командиру линкора. От имени судового комитета они предложили немедленно поднимать пары. Командир растерянно развел руками. На корабле одна треть команды, несколько офицеров, кругом льды! Линкор под защитой Свеаборгской крепости, немцы пустят его ко дну, как только он выйдет в море!

Матросы ответили:

— Перед нами два пути: ждать пока придут интервенты, захватят корабль, а нас перевешают на реях, или собрать последние силы и пробиться к Кронштадту. Приказ — корабли вывести в Кронштадт — должен быть выполнен.

Командир продолжал упорствовать.

— Как можно итти без ледокола? Мы застрянем во льдах и окажемся для врага прекрасной мишенью.

Матросы переглянулись между собой. Один из них многозначительно заметил:

— Разрешите напомнить, что вы человек военный. Позорно в такой момент трястись за свою шкуру. Ждем вашего последнего слова. С вами или без вас — все равно линкор пойдет в Кронштадт.

Командир корабля отрицательно покачал головой.

— Не хочу брать грех на свою душу. Пусть это будет без меня и офицеров.

«Ледовый поход» 1918 года

Судовой комитет сам взялся за подготовку к походу. На офицеров рассчитывать не приходилось. Кроме того, на корабле в составе самой команды были меньшевики, эсеры, анархисты. Бдительность! Вот что требовалось от всех честных матросов, чтобы не допустить диверсии или предательства.

Все преданные делу революции матросы-специалисты были хорошо известны большевикам. Их поставили у орудий и на важнейших боевых постах. Они круглосуточно несли вахту, никого не допуская к башням и машинам.

Небольшая группа большевиков-петропавловцев вынесла на своих плечах всю тяжесть подготовки к небывалому походу во льдах. До выхода в море оставались немногие часы. Но команду линкора ждал еще один удар. Штурман линкора — последний офицер, на которого рассчитывал судовой комитет, отказался вести «Петропавловск». Тогда его место занял матрос — штурманский ученик.

Мартовским утром на «Петропавловске» раздался звон колоколов громкого боя. Матросы быстро разбежались по своим местам. На командирском мостике у штурвала появился матрос. Подана команда «пошел шпиль». Ручка электрического телеграфа поставлена на «малый ход».

Сокрушая льды, корабль медленно пополз из гавани. Вчерашние комендоры, наводчики, дальномерщики напрягали все внимание, чтобы не сделать какой-нибудь ошибки. Линкор был настороже, готовый шквалом металла и огня отразить внезапный удар, откуда бы он ни обрушился на корабль.

Корабли ушли из-под самого носа врага, рассчитывавшего захватить богатую добычу. Их вели первые командиры советского флота — И. С. Исаков (ныне адмирал, заместитель народного комиссара Военно-Морского Флота СССР), Л. М. Галлер (ныне адмирал, заместитель народного комиссара Военно-Морского Флота СССР), Ставицкий (ныне вице-адмирал) и другие верные сыны родины,

проявившие твердость духа в опасный момент и навсегда связавшие свою жизнь с народом.

Начался славный ледовый поход, о котором и поныне старые моряки не могут говорить без волнения. В первом отряде шли 2-я бригада линейных кораблей и крейсера. В кильватерной колонне двигались «Петропавловск», «Севастополь», «Гангут», «Полтава», «Рюрик», «Адмирал Макаров», «Богатырь».

Толщина льда достигала одного метра. Кораблям приходилось то-и-дело давать самый полный ход. Аврал следовал за авралом. У бортов вырастали ледяные торосы. За ночь корабли примерзали ко льду. Передний ход! Задний ход! Снова передний!.. И так до тех пор, пока линкор не пробивался вперед.

Только 17 марта на горизонте появились очертания Кронштадта. Корабли вошли в гавань. Переход в 180 миль продолжался более пяти суток. Всего было спасено свыше 200 кораблей, своим ходом прибывших в Кронштадт и составивших боевое ядро Красного Балтийского флота.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1918 год

Весь 1918 год «Петропавловск» провел в Кронштадте. Вместо угля в топках трещали дрова, которые удавалось собрать в порту.

Обстановка в Кронштадте требовала большой настороженности. Враги подрывали флот изнутри.

Матросы-большевики — члены судового комитета, разгадав новую тактику врага, установили на «Петропавловске» строгий порядок. Революционные моряки помогали ВЧК находить и уничтожать гнезда контрреволюции.

Судовой комитет бригады линкоров помещался на «Петропавловске» не случайно. Этот корабль с первых дней революции стал крепостью большевизма, опорой советской власти. Здесь осуществлялось руководство боевым ядром Красного Флота.

На одной из кают в кормовой части линкора висела надпись: «Оперативная часть судкома. Вход строго воспрещен».

У двери стоял часовой. В каюте круглые сутки стучал телеграф, раздавались телефонные звонки; склонившись над картами, хмурые, изнуренные долгими бессонными ночами люди продумывали всевозможные варианты обороны Кронштадта и флота на случай внезапного вторжения врага.

В непосредственной близости от Кронштадта находился форт Ино, по договору с Финляндской республикой отошедший к Советской России. Форт этот располагал мощной крепостной артиллерией и большим боезапасом и играл в защите Петрограда большую роль. Белофинны понимали, что если бы им удалось захватить форт Ино, он мог бы превратиться в серьезную угрозу для Кронштадта и флота, и начали осаду форта. Медлить было нельзя.

Комендант Кронштадтской крепости принял решение взорвать форт.

В ясное майское утро на палубе линкора «Петропавловск» собрались матросы, увольняемые в долгосрочный отпуск. Председатель судового комитета обратился к ним с напутственной речью. Вдруг сквозь толпу пробился какой-то человек и, прервав оратора на полуслове, вручил ему пакет с сургучными печатями.

Председатель судового комитета, прочтя спешное сообщение, обратился к морякам:

— Товарищи, на ваших глазах я получил этот пакет. Нашему кораблю и флоту в целом грозит опасность. Едва вы успеете добраться до Петрограда, как вслед вам полетят снаряды с форта Ино, которому угрожает враг. Чтобы предупредить опасность, форт нужно немедленно взорвать. Нам приказано выделить народ для подготовки к взрыву. Людей у нас осталось мало. Мы можем выполнить эту задачу и предупредить замыслы врага, но для этого вы все должны взять в руки оружие и оказать помощь гарнизону форта!

Большинством голосов было постановлено отложить отъезд и выполнить боевой долг. Через несколько минут у судовых кладовых выстроилась очередь за оружием. Двести добровольцев отправились на корабли, предназначенные для участия в операции.

14 мая поздно ночью до Кронштадта донеслись оглушительные раскаты. Зарево пожара пылало всю ночь. Форт был во-время уничтожен.

Весной 1918 г. над красным Петроградом нависла новая опасность. Полчища германского империализма хлынули в Прибалтику и приближались к сердцу революции. Предатель Троцкий приказал эвакуировать Кронштадт, а боевые корабли вывести на фарватер и затопить. Моряки возмутились. Как?! Своими руками уничтожить флот и открыть немцам дорогу на Петроград?!

В разгар суматохи, связанной с подготовкой к эвакуации, к прямому проводу в штаб флота вызвали матроса, только что назначенного комиссаром бригады линкоров,— старшину машинной команды «Петропавловска». Он стоял у телеграфного аппарата и не верил своим глазам: на узкой телеграфной ленте отпечатывались страшные слова:

«...Категорически требую выполнения приказа. Суда немедленно выводить на фарватер для затопления. За удачное выполнение операции будут выданы крупные награды...»

Комиссар не сразу овладел собой. А по телеграфу неслось настойчивое требование:

«Отвечайте... отвечайте... отвечайте».

— Давайте отвечать, товарищ комиссар, — сказал телеграфист, глядя комиссару прямо в глаза.

Твердым голосом комиссар-петропавловец продиктовал ответ:

— Взрывать суда отказываемся, будем защищать флот и Кронштадт до последнего.

Поздней ночью комиссар возвратился на корабль. Он не сомневался, что его ответ был ответом всего революционного флота. Собрав всех старых, честных матросов, он сообщил им о своем разговоре по прямому проводу.

— Может быть, я слишком резко ответил? — спросил он под конец.

Один из матросов выступил вперед и сказал:

— Можешь не сомневаться, твои слова правильные. Все помнят, какой ценой мы увели корабли из Гельсинг-

форса. Спрашивается, для чего? Для того, чтобы уничтожить их своими руками?!

На совещании было принято решение вывести корабли из гавани, но не для затопления, а для обороны Кронштадта. Кроме того, решили составить десантный отряд, чтобы в случае необходимости высадиться у Ораниенбаума и присоединиться к частям Красной Армии.

Под утро комиссара вновь вызвали в штаб. Ободренный поддержкой товарищей, он с прежней твердостью ответил:

— Мы остаемся на своей точке зрения. Если речь идет о том, чтобы нас расстрелять, мы готовы принять эту кару, но не возьмем на себя ответственности за гибель крепости и флота...

К счастью, о затеянной авантюре с потоплением флота быстро узнали Ленин и Сталин. Они расценили эту затею как предательство и тотчас отменили вредительский приказ. Ленин предложил немедленно поставить в Финском заливе минное заграждение.

Германские войска были задержаны у Пскова. Угроза Кронштадту миновала. Но Страна Советов еще находилась в опасности. Со всех сторон на нее наседали войска белогвардейцев и интервентов.

Партия большевиков бросила лозунг «Все для фронта!» Жизнь страны была перестроена на военный лад. Почти ежедневно уходили из Кронштадта на фронт матросы и командиры. На «Петропавловске» так привыкли к этому, что стоило сигнальщику сыграть «большой сбор», как матросы без долгих разговоров спешили в судком и лаконически осведомлялись:

— Сколько на нашу долю?

— Пятьдесят штыков...

— Есть пятьдесят штыков...

Через час пятьдесят человек были готовы к отправке на сборный пункт. Нелегко им было расставаться с род-

ным кораблем, но на сухопутных фронтах они были нужнее.

В начале августа 1918 г. интервенты высадились на севере и захватили Архангельск. Началась отправка матросов на Северный фронт. Комиссаром 4-го экспедиционного отряда, укомплектованного из матросов линейных кораблей, был назначен гальванер «Петропавловска» Николай Разин.

12 августа 1918 г. кронштадтцы тепло провожали своих товарищей. А несколько дней спустя отряд уже расположился на берегу Северной Двины.

В отряде у Разина были сотни матросов — людей храбрых и решительных, на которых вполне можно было положиться. В первую разведку Разин послал матросов третьей роты.

Темной ночью он вместе с разведчиками сидел в полуразрушенном сарае и при свете ночника рассматривал карту. Он не успокаивал матросов, а, наоборот, предупреждал их о трудностях и опасности боевого задания.

— Нужно точно выяснить, где находится неприятель, какими силами он располагает. Смотрите, не подкачайте. Балтийцы никогда не были трусами и живыми не сдавались врагу...

Ободренные напутственным словом комиссара, разведчики по-двое, по-трое уходили к берегу Двины. Ночь была темная и ненастная. По колено в болоте, ползком по прибрежным мхам матросы подходили все ближе и ближе к расположению противника. Разведка продолжалась несколько суток. Разведчики возвратились целыми и невредимыми и принесли с собой ценные сведения.

В течение августа 1918 г. произошло несколько крупных столкновений с противником, о которых в рапорте командованию Балтфлота кратко сообщалось:

«Сообщаю, что вверенный мне отряд (4-й балтийский) вошел в соприкосновение с противником и вступил

с ним в бой. Первое боевое столкновение было 20 августа на реке Северной Двине. Наши славные комендоры метким артиллерийским огнем заставили противника спешно отступить на свою хорошо оборудованную и укрепленную тыловую линию, находящуюся в 10 верстах. 22 августа наш отряд перешел целиком в наступление. 23 и 24 августа нашему отряду поставили задачу выбить противника с его оборудованной позиции. Эта задача славными балтийцами блестяще выполнена. Противник панически бежал. Бегство было настолько поспешным, что мы на своих, не настолько быстрых, как у противника, судах потеряли с ним соприкосновение. Наши орудия вывели из строя два судна противника и потопили баржу.

Настроение в отряде выше похвалы. Люди рвутся вперед, и у нас полная уверенность, что удачно начатое первое наступление будет развиваться вплоть до самого Архангельска».

Решающие бои разгорелись в сентябре. Группа Разина вела наступление по берегу Двины. В боях под Борецком и Городком балтийцы в течение нескольких дней штурмовали неприятельские укрепленные позиции. Под натиском матросов белогвардейцы и интервенты откатывались назад, в панике бросая оружие и снаряжение.

В этих боях балтийцы захватили несколько орудий, склады снаряжения и боеприпасов.

В конце сентября вражеские канонерские лодки проникли в тыл и отрезали наш Вологодский полк. Разину с ротой матросов выпала трудная задача — выручить вологодцев, заполнить брешь, образовавшуюся в линии фронта. В минуту опасности матросы видели комиссара рядом с собой. Он шел в первых шеренгах наступающих, увлекая за собой остальных. Помощь подоспела во-время. Вологодский полк вырвался из окружения.

Наступили холода, река замерзла. Флотилия ушла на зимовку, а матросы отправились обратно в Кронштадт,

где на обезлюдевших кораблях с нетерпением ждали их возвращения.

Ни разу не отступили балтийцы перед прекрасно вооруженным противником и закрыли ему дорогу в глубь страны.

По возвращении на «Петропавловск» Николай Разин был назначен комиссаром линкора.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НА ЗАЩИТЕ КРАСНОГО ПЕТРОГРАДА

Наступил 1919 год, тяжелый для нашей страны — год холода, голода, суровых испытаний. В водах Балтики появились крупные силы неприятельского флота. Свыше 70 кораблей — крейсеров, миноносцев, сторожевиков, тральщиков непрерывно курсировали у берегов Латвии, Эстонии и Финляндии. По ту сторону границы спешно формировались белогвардейские полки. Враг готовился нанести красному Петрограду предательский удар с суши и с моря.

В дни смертельной опасности для руководства обороной Петрограда прибыл И. В. Сталин. Он детально ознакомился с положением дел и разработал план разгрома белогвардейских банд Юденича. По призыву большевистской партии, ее вождей — Ленина и Сталина, на борьбу с врагом поднимались массы трудового народа.

В первых же боях моряки Балтики проявили высокую отвагу и преданность революции.

29 мая 1919 г. на одном из участков Петроградского фронта Красная Армия перешла в наступление. Командование VII Красной Армии возложило на Балтфлот поддержку с моря красноармейских частей и предупреждение возможной высадки неприятельского десанта.

Линкор «Петропавловск» входил в состав действующего отряда Балтфлота. Отряд шел к Кронштадту. Вне-

запно над «Петропавловском» показался неприятельский самолет. В нескольких десятках метров от борта линкора с грохотом разорвались три бомбы.

Два дня спустя, когда линкор стоял у Шепелевского маяка, эсминец «Азард» встретился в Копорской губе с восемью неприятельскими миноносцами. Пользуясь преимуществом в скорости хода, они нагоняли «Азард», который отходил к «Петропавловску», все время меняя курс и отстреливаясь из кормовых пушек.

На «Петропавловске» заметили врага. Комендоры ожидали приказа открыть огонь.

Миноносцы противника с каждой минутой приближались к «Петропавловску». Вот уже стали заметны огненные языки их пушек. Расстояние между «Петропавловском» и противником сократилось до 47 кабельтовых. На артиллерийских постах главного калибра прозвучал ревун. На пути врага встала огненная стена.

В следующие дни боевые действия развертывались преимущественно в Копорском заливе. Могучая артиллерия «Петропавловска» не допускала к советским границам корабли интервентов.

4 июня в 15 часов с форта «Красная Горка» донесли о появлении в Копорской губе новых кораблей противника. Миноносцы «Гавриил» и «Азард», поднимая пенистые буруны, помчались навстречу врагу: нельзя было допустить высадки неприятельского десанта. Следом за эсминцами шел «Петропавловск». У линии заграждения линкор остановился. Миноносцы продолжали свой путь в Копорский залив.

Здесь произошла встреча с четырьмя неприятельскими кораблями, о которой товарищ Сталин писал:

«Наиболее типичным для характеристики возрождения нашего флота является разыгравшийся в июне месяце неравный бой двух наших миноносцев с четырьмя миноносцами и тремя подводными лодками противника, из которого наши миноносцы, благодаря самоотверженности

матросов и умелому руководству начальника действующего отряда, вышли победителями, потопив неприятельскую подводную лодку»[1].

От обороны Красный Флот стал переходить к активным действиям.

Форт «Красная Горка» был важнейшим стратегическим пунктом на подступах к Кронштадту. Сюда стягивались со всех сторон контрреволюционные силы, которые 13 июня 1919 г. подняли мятеж, возглавленный комендантом форта, бывшим царским офицером Неклюдовым.

Мятежники захватили форт и, арестовав всех коммунистов и комиссаров, бросили их в бетонные казематы.

«Петропавловск» в это время стоял в Кронштадтской гавани.

Начинался обычный будничный день. На всю палубу разносились звонкие переливы боцманской дудки, краснофлотцы получали свой хлебный паек и спешили на занятия.

В каюту комиссара корабля влетел встревоженный радист с радиограммой в руке.

— «Красная Горка» передает Кронштадту и нашим кораблям!

Разин, комиссар корабля, схватил радиограмму.

«Присоединяйтесь к нам, иначе Кронштадт будет уничтожен»...

— Провокация! — Разин отшвырнул смятый листок.

— Товарищ комиссар, они дали срок. Двадцать минут уже прошло. Что отвечать? — растерянно спрашивал молодой радист.

— Не знаешь, что отвечать? — крикнул Разин. — Пошли их к чортовой матери!

— Есть послать к чортовой матери! — повеселевшим голосом ответил радист и бегом направился в рубку. Вскоре он вновь появился в каюте комиссара с перехва-

---

[1] Ворошилов. Сталин и Красная Армия, изд. 2-е, 1937. Воениздат, стр. 103.

ченной радиограммой, которую мятежники адресовали противнику.

«Бьорке. «Красная Горка» в вашем распоряжении».

Разин нахмурился.

— Вот это сообщение куда серьезней!

На корабле прозвучал сигнал тревоги.

Разин поочередно вызывал к себе командиров, матросов-коммунистов, чтобы напомнить им об ответственности моряков «Петропавловска» перед партией и страной.

Корабль, казавшийся до того безжизненным, постепенно наполнялся гулом моторов. Пришли в движение башни и орудия. Революционные моряки в течение нескольких часов вдохнули жизнь в могучую стальную крепость. Это была поистине титаническая работа: ведь котлы растапливались дровами.

Корабль изготовился и насторожился. Стволы его орудий были угрожающе направлены на врага.

Из всех фортов и боевых кораблей к мятежникам примкнули только форты «Обручев» и «Серая Лошадь». Основная масса матросов-балтийцев оставалась верной партии и советской власти.

Для руководства подавлением контрреволюционного мятежа партия послала товарища Сталина. Он предложил необычайно смелый план концентрированного удара по мятежному форту с суши и с моря. Это была совершенно новая тактика, которую морские специалисты старой школы встретили в штыки. Они привыкли действовать по шаблону, считая, что морские крепости можно брать только с суши. Товарищ Сталин опрокинул устаревшие понятия. Он приказал двинуть на штурм форта вооруженные отряды моряков, а линкорам «Петропавловск» и «Андрей Первозванный» открыть огонь с моря.

Около трех часов дня на улицах Кронштадта разорвалось несколько снарядов, посланных с «Красной Горки». В ту же минуту прогремели ответные залпы линкоров «Петропавловск» и «Андрей Первозванный».

«Петропавловск» ведет бой с мятежным фортом «Красная Горка» в 1919 г.

«Петропавловск» стоял в гавани и мог вести огонь лишь из орудий 4-й башни.

Вследствие малого угла обстрела снаряды «Петропавловска» не долетали до мятежного форта и разрывались в море. Линкор получил приказ выйти на рейд.

К вечеру огонь по форту возобновился с новой силой. На мятежном форту возник пожар. Мятежники не выдержали обрушившейся на них бури огня и металла.

Сталинский план сокрушительного удара по мятежному форту с суши и с моря увенчался полным успехом. 16 июня 1919 г. в 0 ч. 30 м. форт «Красная Горка» был снова в наших руках.

Подводя итоги операции, товарищ Сталин писал В. И. Ленину:

«...Морские специалисты уверяют, что взятие «Красной горки» с моря опрокидывает всю морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие «Горки» объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой.

Сталин»[1].

За выдающиеся заслуги в подавлении контрреволюционного мятежа Петроградский совет вручил команде «Петропавловска» почетное красное знамя.

Во время решающих боев на Южном фронте империалисты бросили на Петроград корпус Юденича, чтобы отвлечь красные войска с юга и облегчить положение Деникина. Белогвардейцы были уже у ворот города, но, памятуя о дальности меткого огня 12-дюймовых орудий

---

[1] Ворошилов. Сталин и Красная Армия, изд. 2-е, 1937. Воениздат, стр. 20.

Схема обстрела мятежников на «Красной Горке» в 1919 г.

«Петропавловска», не посмели сунуться к Ораниенбауму и его окрестностям. Это сильно облегчило действия красных войск.

Победы Красной Армии и Флота заставили наших ближайших соседей — буржуазные правительства Эстонии, Латвии, Финляндии — пойти на мировую.

К началу кампании 1920 г. действующий отряд Балтфлота состоял из небольшого количества боевых кораблей. В их число входил и «Петропавловск». Топлива и продовольствия было в обрез. Моряки вынуждены были довольствоваться скудным пайком.

В одном из очередных политдонесений комиссара действующего отряда говорилось:

«Обстановка полумирная, но корабли заняты интенсивной подготовкой к боевым действиям. Неисполнения приказаний не наблюдается. Усталость безусловно чувствуется. Из-за однообразия службы, из-за превращения кораблей в казармы, отчасти из-за некомплекта служба, вахта и работа на кораблях не всегда отвечают запросам момента. Увольнение команд на берег и в Питер производилось без всякой системы. К устранению этого недостатка принимаются срочные меры. Дезертирства не наблюдается... Устойчивость боевого духа дает основание надеяться, что военморы по примеру прошлого, если представится случай, докажут свою преданность делу защиты интересов рабочих и крестьян» [1].

Через «Бюро вольного найма», созданные в Петрограде и других городах для пополнения убыли людей во флоте, на корабли мог попасть каждый желающий, так как принимали всех без разбора.

Воспользовавшись этим, на Балтику приходили уголовники, махновцы, кулаки, любители флотской формы и пайка.

---

[1] ЦГВМА, фонд 1467, дело 142.

После непрерывных мобилизаций на фронт кронштадтская большевистская организация сильно поредела. Троцкистская шайка с Раскольниковым во главе усилила фракционную работу. Возникали контрреволюционные группировки. Одна из них появилась и на «Петропавловске». Ее возглавляли бывший крупный помещик — командир корабля, старший инженер-механик и их подручный Петриченко — сын пензенского кулака, устроившийся на корабле в качестве писаря.

«Ярким проявлением новой тактики классового врага явился контрреволюционный кронштадтский мятеж. Он начался за неделю до X съезда партии, в марте 1921 г. Во главе мятежа стали белогвардейцы, связанные с эсерами, меньшевиками и представителями иностранных государств. Свои стремления восстановить власть и собственность капиталистов и помещиков мятежники на первых порах старались прикрыть «советской» вывеской. Они выдвинули лозунг: «Советы без коммунистов». Контрреволюция пыталась использовать недовольство мелкобуржуазных масс для того, чтобы под якобы советским лозунгом свергнуть Советскую власть» [1].

Мятежники захватили крепость, флот, вооружение, снаряды.

На «Петропавловске» было созвано закрытое партийное собрание. Тринадцать моряков-коммунистов обсуждали создавшееся положение. Командир 1-й башни Иван Степанович Юмашев заявил:

— Нечего нам заниматься пустой перебранкой с изменниками родины. Мятеж надо задушить в самом зародыше!

В разгар собрания в каюту ворвались мятежники. Коммунисты были обезоружены и брошены в тюрьму.

Раздетые, босые сидели матросы-большевики в сырых, темных камерах. Часовые с ними не церемонились, считая, что их дни сочтены. Но большевики держались стойко.

---

1 История ВКП(б). Краткий курс, стр. 239.

Прошло несколько дней, и вот однажды заключенные услышали гул орудийной и пулеметной стрельбы.

К Кронштадту, по льду Финского залива, двигались армейские части и отряды моряков во главе с делегатами X съезда партии. Наступлением руководил товарищ Ворошилов. После непродолжительной борьбы с растерявшимся караулом заключенные вырвались на свободу. Подоспели курсанты Кремлевской школы. Юмашев и его товарищи показали им места, где засели мятежники, помогли разгромить контрреволюционные гнезда.

После ликвидации мятежа Юмашев вернулся на «Петропавловск» и заявил:

— Мне поручено командовать линкором, предлагаю безоговорочно исполнять все мои приказания.

* * *

Флот должен жить! — такое незыблемое решение вынесли съезд партии и IX Всероссийский съезд Советов.

«Признать необходимым, — говорилось в решениях съезда большевистской партии, — укрепить Военно-Морской Флот для защиты морских границ социалистического строительства».

Большевики линкора очистили команду от враждебных элементов.

На «Петропавловске» закипела работа. Заменяли и приводили в боевую готовность механизмы и орудия. Команда понимала, что этот корабль призван стать ядром возрождающегося флота.

Линкор получил новое славное имя, овеянное революционной романтикой, — имя одного из вождей французской революции 1789 г. — «Марат».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЖАН-ПОЛЬ МАРАТ

Жан-Поль Марат был по профессии врачом, талантливым, всесторонне образованным человеком. Он пользовался известностью и как физик. Английское правительство предложило ему крупную сумму денег за одно ценное изобретение по энергетике. Но слава не привлекала Марата. Свою жизнь он посвятил науке и борьбе за нищих и обездоленных людей.

Как только вспыхнула революция 1789 г., Марат бросил свои обычные занятия и с головой окунулся в революционные дела. Он издавал газету «Друг народа». В ярких передовых статьях он требовал для народа всеобщего избирательного права, отзыва депутатов, не оправдавших доверия народа. Он призывал народ к бдительности: «Бойтесь реакции! Ваши враги не пощадят вас, если счастье повернется к ним. Поэтому, никакой пощады!» Марат призывал к суровой расправе с врагами революции.

Буржуазия ненавидела пламенного трибуна. Против него создавались заговоры, его преследовала клевета, враги мечтали увидеть Марата на эшафоте. Но Марат оставался неуловимым и продолжал в подпольной типографии выпускать любимую газету парижской бедноты.

Избиение газетчиков, которые продавали его газету, разгром нескольких типографий и даже убийство некото-

рых сотрудников не могли заставить Марата прекратить издание «Друга народа».

Сам редактор вынужден был скитаться по трущобам Парижа, часто меняя свое пристанище. В подвалах и разрушенных зданиях Марат оборудовал свои типографии, там же были явочные пункты для сбора письменной и устной информации.

Временная победа врагов в 1791 г. заставила Марата бежать в Лондон. Но в конце февраля 1792 г. он вернулся в Париж и возобновил издание своей газеты.

Марат был избран членом Конвента. Здесь развернулся его талант изумительного оратора.

Во время обострения продовольственного кризиса 1792 г. Марат опубликовал в своей газете «Друг народа» требование о закупке продовольствия за границей на средства состоятельных классов и о продаже его населению по себестоимости.

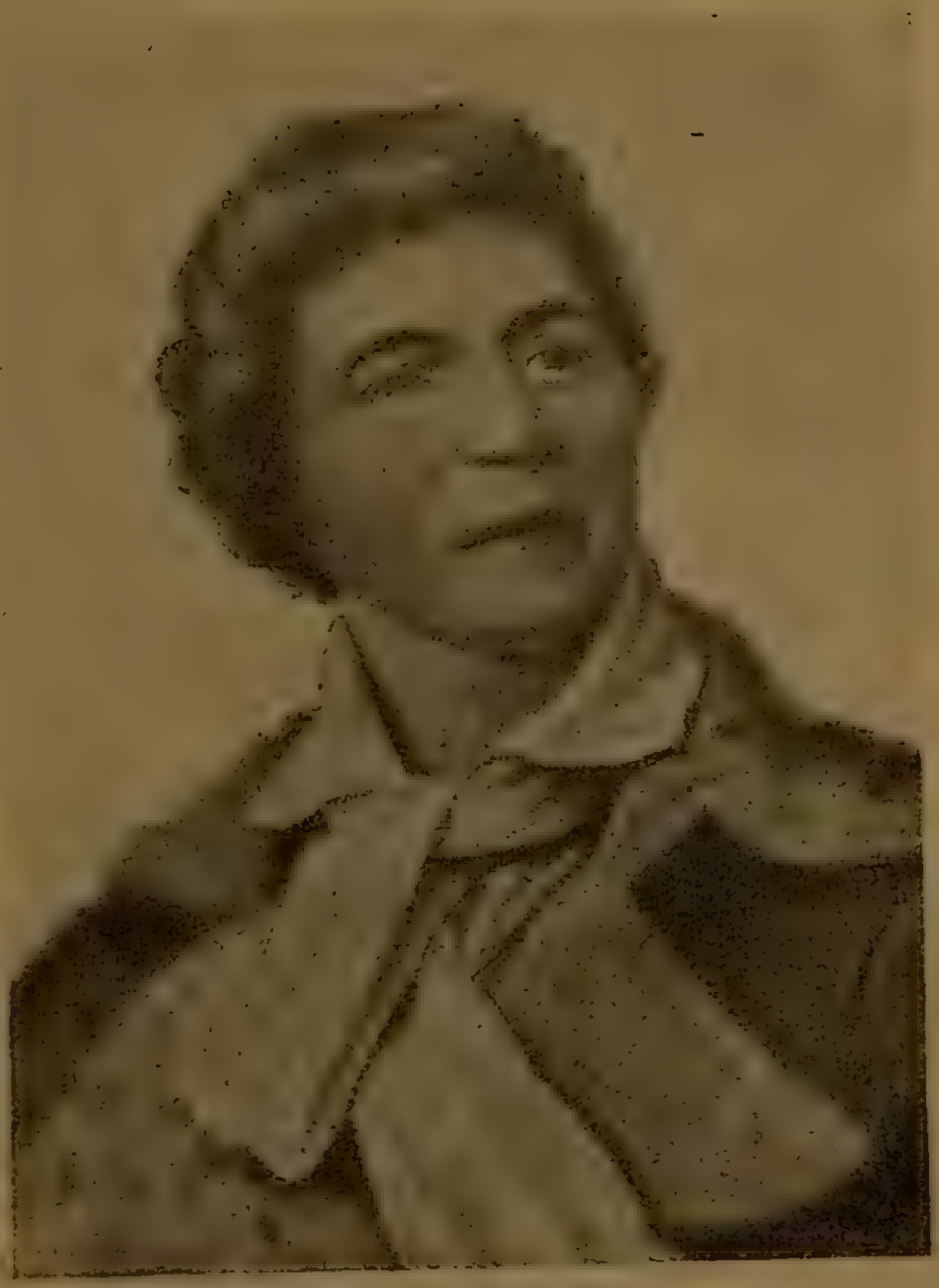
С марта 1793 г здоровье Марата сильно пошатнулось. Скитания по грязным, сырым подвалам, скудное питание, напряженная работа вызвали тяжелое заболевание глаз и кожи. Враги усилили свои преследования и добились предания Марата суду за подстрекательство к погрому буржуазных домов. Но суд оправдал Марата. Присутствовавшие в зале подхватили Марата на руки и торжественно пронесли по главным улицам, где его приветствовали толпы народа.

13 июня 1793 г. в квартиру, где жил Марат, была подослана убийца — Шарлотта Корде. Ударом кинжала Марат был убит. Убийцу схватили на месте преступления, предали революционному суду и казнили на гильотине.

Парижская беднота устроила Марату грандиозные похороны.

Гроб с его телом был водружен в Пантеоне, где погребены самые выдающиеся люди Франции.

Когда матросы «Петропавловска» узнали о том, что во французском флоте есть корабль, названный именем



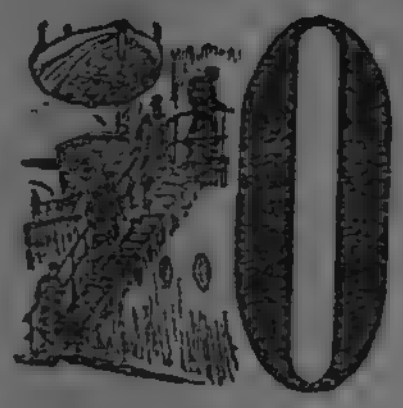
Жан-Поль Марат,
имя которого носит наш славный линкор

Шарлотты Корде, — корабль, который неоднократно участвовал в подавлении восстаний во французских колониях, — советские моряки решили в ответ присвоить своему кораблю имя Марата — друга народа.

Так в марте 1921 г. «Петропавловск» по инициативе команды линкора стал «Маратом».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВО ФЛОТ ПРИХОДИТ КОМСОМОЛ



Осенью 1921 г. на рассмотрение комиссии, созданной Центральным Комитетом партии, при участии товарища Сталина, поступил запрос, как быть с кораблями Балтийского флота, как сохранить их для страны. Было решено «Гангут» и «Полтаву» привести в состояние долгосрочного хранения, не отапливать в зимний период. Линкор «Парижская Коммуна» также законсервировать на девять месяцев, отпустив для него 80 тысяч пудов угля.

Комиссия нашла необходимым из всей бригады линкоров держать в состоянии полной готовности самый сильный на Балтике линкор «Марат». На шесть зимних месяцев ему отпустили 200 тысяч пудов угля.

Все лучшие моряки из рядового состава «Марата» были на фронтах. Команда была засорена случайно попавшими во флот людьми — клешниками, «иванморами», морально разложившимися типами. Они расшатывали дисциплину, отлынивали от работы, вносили дух анархии, ухарства, ложного демократизма.

Вскоре после того, как страна сказала — флоту быть, разложившиеся, случайные люди были вышвырнуты с корабля. На линкор, по решению партии, начали возвращаться моряки-коммунисты, сражавшиеся в частях Красной Армии.

На призыв партии о возрождении флота первыми откликнулись комсомольцы. В начале 1922 г. ЦК РКСМ объявил мобилизацию комсомольцев во флот. Мобилизации, впрочем, не потребовалось. Добровольцев оказалось больше, чем нужно было.

Весной 1922 г. во флот пришли тысячи комсомольцев. Значительная часть их попала на «Марат».

Среди комсомольцев, впервые поднявшихся на палубу линкора в 1922 г., был А. В. Голоульников. Впоследствии он вспоминал, в каком неприглядном состоянии он и его товарищи застали линкор: моряки жили в башнях; в трюмах, всюду была вода и грязь; краска на переборках почернела, на корабле завелись тараканы; бани и души не работали; камбузы были наполовину разрушены.

Надо было не только очистить корабль, но, самое главное,— привести в порядок механизмы и вооружение.

Рабочие Петрограда и Кронштадта помогли маратовцам восстановить артиллерийское и минное вооружение, машинную часть.

Рабочие Балтийского завода вместе с командой работали, не считаясь с временем, только бы закончить ремонт к летней кампании.

Трудности корабельной жизни не отпугнули комсомольцев. Восстановить линкор — к этому были направлены все усилия. Но чтобы привести в действие этот громадный боевой организм, требовались знающие, квалифицированные командиры.

И вот наступил день, когда в кают-компании «Марата» появились первые красные командиры, только что выпущенные из Военно-морского училища.

Из старших командиров Иван Степанович Юмашев оказывал молодежи дружескую поддержку. Он часами беседовал с молодежью, рассказывая ей о корабельной жизни.

Юмашев был членом бюро партийного коллектива «Марата». Он терпеть не мог грязи и разгильдяйства и

Старый маратовец боцман М. А. Попенко

вместе с главным боцманом Попенко всегда присутствовал на больших и малых приборках.

У главного боцмана день начинался раньше всех. Команда еще спала крепким сном, когда Максим Адрианович Попенко уже был на ногах. Он обходил корабль,

хозяйским глазом заглядывал в каждый уголок, записывал в книжечку, что нужно сделать сегодня.

Только прозвучит сигнал побудки, как Попенко уже в каюте Юмашева с докладом:

— Прошу выделить сегодня пятьдесят человек.

А рабочих рук немного. Часть людей отправлена в порт за продуктами, другие грузят боезапас.

Юмашев прикидывает в уме, подсчитывает, сколько осталось людей, и находит пятьдесят человек, которых можно передать в распоряжение главного боцмана.

Занятия с главным боцманом назывались на корабле «рабфак имени Попенко».

Вот пятьдесят моряков выстроились на верхней палубе. Среди них есть и «рабфаковцы», которых после разводки Попенко назначил бригадирами. Они привыкли к требовательности своего учителя, усвоили его правило — все делать тщательно и добротно.

После затянувшейся до поздней ночи погрузки угля на корабль страшно смотреть. Палуба покрыта черной пылью, нельзя дотронуться до лееров.

Кипит работа. Палубу скребут, драят медяшку. Аврал длится несколько часов.

Попенко докладывают, что на шкафуте работа закончена. Боцман идет на шкафут. На первый взгляд здесь, действительно, все в порядке. Но Максим Адрианович не доверяет глазам, он вынимает из кармана носовой платок, проводит по одному из лееров и ухмыляется: на кончике платка — черное пятно.

Молодые моряки опять берутся за щетки, мыло и песок.

Разгильдяев Попенко стыдил перед строем. Он зло высмеивал белоручек, мечтавших стать заправскими моряками, не испытав всех трудностей морской службы.

Все они были у Попенко на особом счету, им доставалась самая тяжелая работа, и многие из них, пройдя

суровую школу под его руководством, делались примерными моряками.

Был в 3-й роте некий Холостяков. Все поднимаются, вяжут койки, а Холостяков лежит в постели. Товарищи пробуют его разбудить, — он огрызается. Однажды утром Попенко, ни слова не говоря, развернул шланг, открыл воду и устроил лентяю холодную ванну. Об этом случае боцман рассказал перед строем на вечерней проверке. С тех пор Холостякова будто подменили. Попенко взял его под свою опеку, парень стал прилежным, они подружились и во время перекурки на баке не раз с улыбкой вспоминали случай, с которого началась их дружба.

В конце сентября 1922 г. состоялись первые, после 1914 г., маневры Балтийского флота.

На «Марате» во время маневров разместился штаб морских сил Балтийского флота. Когда закончилась первая часть маневров, в которую входило отражение атаки «синих» на Кронштадт, эскадра во главе с «Маратом» отправилась в первое дальнее плавание. В октябре 1922 г. Центральное бюро военно-морской пропаганды сообщало:

«Сегодня отправилась в заграничное плавание первая практическая эскадра Красного Балтийского Флота. Выход нашего флота в дальнее плавание является первым за время существования советской республики и проводится с учебными целями, как продолжение морских маневров».

На второй день похода радист передал с борта «Марата»:

«Идем в полном порядке. В ночь на 6 октября подошли к острову Гогланд... утром ветер усилился. Однако миноносцы и подлодки держатся хорошо. С рассветом на горизонте показалось несколько финских парусников, с любопытством наблюдавших появление Красного Флота в восточной части Балтийского моря.

...Чем дальше в море, несмотря на тяжелые условия похода, настроение личного состава поднимается».

В тот же день эскадра прошла меридиан Гельсингфор-

са, а вскоре советские вымпелы показались в виду Ревеля. К вечеру эскадра, разделенная на несколько отрядов, соединилась в условленном месте. В центре колонны двигался гигант «Марат», сопровождаемый с обеих сторон пятью зарывающимися в глубокую волну эсминцами. На линкоре не прекращалась боевая работа.

От Ревеля эскадра легла на обратный курс, держась эстонских берегов.

Первый дальний поход советских кораблей сыграл огромную роль в деле развития и укрепления нашего флота. Флот, оторвавшись от стенки, держал экзамен на звание действующего и выдержал его с честью.

«Дисциплина нужна Красному Флоту, как паровые котлы кораблям», писала в те дни газета «Красный Балтийский Флот». Флоту требовались высококвалифицированные, любящие свое дело специалисты. Многие «старики», которым пришел срок демобилизоваться, добровольно остались на корабле, чтобы обучать прибывавшую во флот комсомольскую молодежь.

Незадолго до этого комсомол официально принял шефство над Военно-Морским Флотом. Новое комсомольское пополнение хлынуло в экипажи, в школы, на корабли.

В 1921 г. среди личного состава флота насчитывался только один процент комсомольцев. К началу 1923 г. комсомольцы во флоте составляли уже 20 процентов.

С 15 по 22 января 1923 г. по решению Центрального Комитета ВКП(б) и ЦК комсомола по всей стране была проведена «Неделя Красного Военного Флота».

На «Марате» продолжалась напряженная учеба. Как только линкор стал на зимнюю стоянку, открылась школа для подготовки строевых старшин. В школу были зачислены 23 человека. Они изучали военно-морской устав, артиллерию, минное, штурманское и машинное дело, электротехнику, такелажные работы, сигналопроизводство, гимнастику, русский язык, арифметику, геометрию, географию, санитарию и политграмоту.

14 февраля на линкоре был большой праздничный день. Команда корабля на общем собрании единогласно постановила: избрать почетным моряком линейного корабля «Марат» великого вождя трудящихся всего мира — Владимира Ильича Ленина. С огромным воодушевлением была отправлена приветственная телеграмма Владимиру Ильичу.

В начале 1923 г. в приказе по морским силам Балтийского моря были отмечены маратовцы, герои строительства Красного Балтийского Флота, которые в годы гражданской войны отдавали все силы на восстановление корабля. Это были Максим Адрианович Попенко — старший боцман линкора, помощник котельного механика Елесин, трюмный старшина Майданов.

Пушечные залпы «Марата» убедительно доказывали беспокойным соседям, что мощь Балтийского флота крепнет. На «Марате» встречали новые пополнения молодых военморов, приходивших из электроминной, машинной и артиллерийской школ.

По вечерам над морем летела песня, написанная военмором-комсомольцем:

Чуть зазыблются воды залива —
Упругая, синяя сталь,
Корабль идет горделиво
В заманчиво-светлую даль.
На небе безоблачном солнце
Смеется и золото льет,
Поют моряки-комсомольцы,
И, кажется, море поет!

Это был год, когда учебу перенесли целиком на море. Новый командир линкора Ю. Ф. Ралль старался приохотить молодых моряков к парусному спорту и гребле. Маратовский барказ № 1 неизменно брал первые призы на всех гонках и соревнованиях.

Большое практическое значение шлюпки показал один случай. Трое суток не утихал шторм. Буксир не мог подойти к борту линкора. Команда оставалась без хлеба.

Ю. Ф. Ралль приказал одному из командиров спустить барказ и отправиться за хлебом на берег. Было отобрано 24 краснофлотца из числа победителей последних шлюпочных соревнований. Барказ под штормовым вооружением быстро достиг гранитных ступеней Петровского парка. Погрузив на барказ буханки хлеба, вышли обратно. Встречный ветер безжалостно швырял маленькое суденышко. Сломался гик, стали сдавать ванты.

Барказ принял груз днем, а подошел к кораблю уже в темноте. Груз на корабль был доставлен.

На открытие летней кампании 1924 г. маратовцы решили пригласить товарища Сталина, который неустанно следил за возрождением советского флота. Через несколько дней была получена ответная телеграмма:

«Работа по подготовке предстоящего съезда партии лишает меня возможности принять ваше приглашение. Прошу принять мои извинения и пожелания полного успеха вашему походу. Сталин».

Теплые сталинские слова вызвали у всего экипажа большой подъем.

15 мая «Марат» вышел в море во главе флота.

Четыре больших похода вместе с другими кораблями совершил «Марат» в то лето. Последний из этих походов — к Данцигской бухте — был самым дальним.

Во время похода стрелки машинного телеграфа показывали «полный ход». Результаты испытания превзошли все ожидания. «Марат» давал рекордную скорость.

Кампания 1924 г. закончилась большими маневрами флота, в которых участвовали авиация и десантные части Ленинградского военного округа.

На зимовку «Марат» стал только в декабре.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ФРУНЗЕ НА „МАРАТЕ“

На рассвете 20 июня 1925 г. со стороны Ленинграда к Кронштадтскому рейду следовал эсминец. Эскадра, готовая к походу, выстроилась в несколько линий на рейде. На эсминце взвился сигнал:

«Реввоенсовет СССР приветствует морские силы Балтийского моря».

На борт «Марата» поднялся плотный, коренастый человек в сером плаще, в фуражке военного образца, с внимательным, глубоким взглядом. Это был М. В. Фрунзе.

С кораблей увидели на линкоре флаг председателя Реввоенсовета — кормовой флаг с красной звездой посредине, окаймленной золотым лавровым венком.

В 6 часов утра был дан сигнал о походе. Нарком стоял на палубе, наблюдая за движением судов, снимавшихся с якоря. Затем М. В. Фрунзе поднялся на мостик и, как только эскадра миновала остров Сескар, приказал пробить боевую тревогу. С секундомером в руке Фрунзе лично проверял, насколько быстро и четко бойцы выполняют свои обязанности.

Осматривая одну из орудийных башен, Фрунзе заинтересовался, как будут действовать артиллеристы, если прекратится подача электрической энергии.

Нарком рекомендовал практиковать личный состав в близких к настоящему бою условиях.

Эскадра подходила к маяку Альма-Грундет. На горизонте показались шведские берега. По лицу наркома, старого большевика, одного из руководителей большевистской партии, пробежала легкая улыбка. Знакомые места! Он вспомнил и рассказал, как в 1906 г. на финском пассажирском пароходе ехал в Стокгольм на IV объединительный съезд РСДРП и как ему при этом удалось обмануть жандармов.

За семь дней похода М. В. Фрунзе побывал на всех кораблях, знакомился с командами, с организацией службы, присутствовал на политзанятиях.

23 июня эскадра бросила якорь в Кильской бухте. Здесь был конечный пункт похода. Пока стояли на якоре, производились шлюпочные учения. Нарком сделал для личного состава корабля доклад о международных событиях. В этот же день эскадра вышла в обратный путь.

На «Марате» Фрунзе написал свою, ставшую исторической статью «Балтийский флот и комсомол». Приводим ее полностью.

«В общем ходе революции и случайностях гражданской войны, — писал он, — на долю морского флота выпали особенно тяжкие удары.

В результате их мы лишились большей и лучшей части его материального состава, лишились огромного большинства опытных и знающих командиров, играющих в жизни флота еще бо́льшую роль, чем во всех других родах оружия, потеряли целый ряд морских баз и, наконец, потеряли основное ядро и рядового краснофлотского состава.

В сумме все это означало, что флота у нас нет.

Но так как было очевидно, что отсутствие флота делает в ряде пунктов нашу оборону неустойчивой, мы должны были рано или поздно стать перед вопросом его возрождения.

Надо признать, что к этой задаче мы подошли с опозданием. В то время, как сухопутная армия у нас давно

М. В. Фрунзе на палубе «Марата» в 1925 г.

уже стала на ноги и стала прочно, флот начинает фактическую историю своего возрождения только после конца гражданской войны.

Одним из моментов, характерным для начала этого переломного периода, является принятие комсомолом шефства над флотом.

Этот момент безусловно сыграл в жизни флота колоссальнейшую роль. Только с этого времени стала возможна массовая, живая созидательная работа. Тысячи комсомольского пополнения, образовавшие ядро нового флота, заложили тот фундамент, на основании которого стала возможной вся дальнейшая творческая деятельность.

Результаты ее налицо. Советская республика флот уже имеет.

Восстанавливается материальная часть, создается новый командный состав, представляющий соединение лучшей части комсостава старого флота с молодыми свежими силами, выдвинутыми из рабоче-крестьянских низов, обучается и воспитывается во главе с комсомольским авангардом прекрасное революционно-активное боевое ядро личного краснофлотского состава.

Конечно, нашему молодому флоту предстоит еще много работы впереди. Но энергии и желания работать у него много, а в этом — залог успеха.

Важным условием дальнейшего прогресса является по-прежнему живое сотрудничество всей комсомольской организации.

Это сотрудничество должно проявляться не только в проведении общей политико- и культурно-воспитательной работы. Оно может и должно выражаться также в непосредственном участии комсомола в подготовке и создании личного состава флота.

Служба во флоте является самой сложной и технически самой трудной из всех специальных военных служб. Современный боевой корабль представляет сочетание элементов целого ряда областей промышленной техники.

Это — организм, составленный из самых сложных и тончайших механизмов, требующих особого искусства, умения, сноровитости в управлении ими. Правда, служба во флоте длится дольше, чем в сухопутной армии, но и за это время по ряду специальностей только к концу службы едва-едва можно успеть подготовить вполне опытного работ-

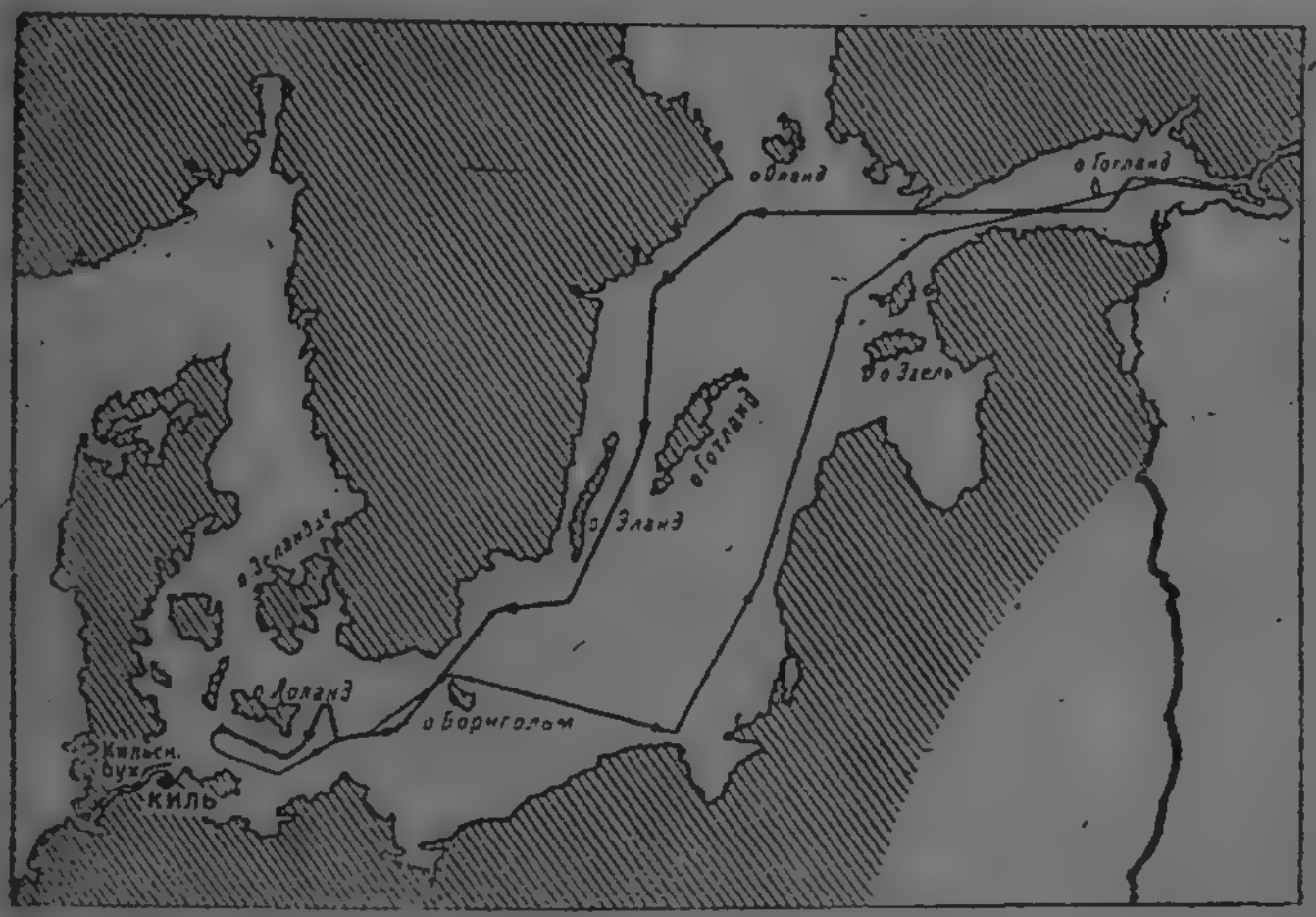


Схема первого заграничного похода «Марата»

ника. Чтобы помочь этому делу, нужно обратить внимание на допризывную подготовку будущих моряков.

Нужно, что будет в полном соответствии со всей системой нашего военного строительства, выделить для флота ряд районов, откуда он будет получать свое пополнение. Эти районы должны по своему характеру учитывать запросы флота: расположение у моря или на больших реках, фабрично-заводский характер и пр.

В организации центров обучения этих районов должны принять участие и морской флот, и комсомол. Первый

должен создать эти центры, снабдить их подходящими работниками, необходимыми средствами обучения и пр.

Комсомол должен помочь развить и наладить в соответствующем направлении спортивные кружки, должен прививать любовь и влечение к морскому делу, помогать насаждению среди молодежи элементарных военно-морских познаний. Таким путем мы подготовим прекрасное, ловкое, развитое, достаточно подготовленное для службы во флоте, пополнение. Наиболее подходящим во всех отношениях для проведения этой программы является Ленинград.

Тысячи нитей связывают Ленинград, его промышленность, весь его пролетариат с флотом Балтийского моря.

Без сильного военного флота на Балтике самое существование Ленинграда делается очень спорным. Расположенный у самой границы, открытый для первых же ударов врага и с суши, и особенно с моря, Ленинград, а в его лице и весь Советский Союз, глубоко заинтересован в дальнейшем развитии и укреплении нашей мощи на море.

Ленинградский комсомол должен взять на себя почин в этой работе. Правильным подходом к задаче организации военно-морской допризывной подготовки он должен показать пример остальным частям Союза, где условия для этого будут подходящими.

Создайте, развейте и укрепите ваши участки военно-морской подготовки. Сделайте их живыми, постоянно действующими центрами военно-морской подготовки не только во время сборов, но и между сборами.

Подготовьте флоту грамотное, элементарно-обученное и воспитанное поколение.

За работу же, ленинградцы! Наш флот возрождается. С вашей помощью темп его роста станет еще быстрее.

25 июня 1925 года.
Балтийское море.
Линейный корабль «Марат»[1]

М. Фрунзе

---

[1] Журнал «Красный флот», 1925, книга 8-я, стр. 5—7.

В другой своей статье: «Нам нужен сильный Балтийский флот» — М. В. Фрунзе писал:

«Ленинград — город революции и живое пролетарское сердце ее. Ленинград — средоточие нашей науки и техники, важнейший центр нашей промышленности с десятками заводов и фабрик и сотнями тысяч рабочих.

Потеря его, хотя бы на время, будет сильнейшим ударом по рабоче-крестьянской республике, ударом по ее хозяйству, ее морям и, наконец, по ее обороне. Мы должны решить: город Ленина никогда, ни при каких условиях и никем не должен быть занят, хотя бы на самый короткий срок.

Кто может и должен выполнить эту почетную задачу по обороне Ленинграда?

Красный советский Балтийский флот. Только он, опираясь на техническую мощь и революционный энтузиазм красной столицы Севера, будет в состоянии решить ее наиболее решительно, точно и экономно».

Эти замечательные строки пролетарского полководца звучат как только что вышедшие из-под пера.

В тот год балтийцы особенно остро почувствовали, как тесно флоту в узкой горловине Финского залива.

26 июня флот возвратился в Кронштадт. На утро следующего дня Фрунзе дружески распрощался с маратовцами. Он обошел строй краснофлотцев, поблагодарил личный состав за хорошую службу.

После обхода кораблей Фрунзе отбыл в Ленинград. В вахтенных журналах появилась запись:

«9.03 отсалютовали 19-ю выстрелами Предреввоенсовета тов. Фрунзе».

За весь год «Марат» имел 45 ходовых дней. Около семи тысяч миль покрыл он за это время.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПОД ФЛАГОМ НАРКОМА ВОРОШИЛОВА

января 1926 г. впервые прибыл на «Марат» Климент Ефремович Ворошилов. Лишь только нарком ступил на палубу, его флаг взвился на грот-стеньге.

Поздоровавшись с краснофлотцами, Ворошилов захотел немедленно осмотреть линкор, который назвал огромной фабрикой. На этой «фабрике» едва ли остался уголок, куда не заглянул бы Ворошилов. Он всем интересовался, обо всем расспрашивал.

Покидая корабль, Ворошилов выступил в коммунальной палубе с речью перед краснофлотцами и командирами, в которой выразил уверенность, что вместе со всем Балтийским флотом линкор будет той силой, которая отразит наступление с моря на нашу страну.

С того дня Ворошилов, бывая на Балтике, неизменно поднимал свой флаг на линкоре.

Летом маратовцы впервые увидели своего наркома в морской форме. В тот день корабли во главе с «Маратом» вышли в море. У острова Сескар был разыгран «морской бой». Нарком стоял на мостике, смотрел, как от метких артиллерийских попаданий взлетали вверх обломки щитов.

22 июля на общем собрании команды нарком, по предложению краснофлотцев, был единогласно выбран почетным рулевым «Марата».

К. Е. Ворошилов среди личного состава «Марата»

Большой поход закончился 24 июля, корабли отдали якоря на рейде.

С тех пор каждый год маратовцы видели в своей дружной семье К. Е. Ворошилова. Нарком делил с краснофлотцами и командирами все трудности походной жизни, прививая им любовь к морю и к своему кораблю.

В десятую годовщину Красной Армии ЦИК СССР наградил Балтийский флот орденом Красного Знамени. Отныне Балтийский флот стал Краснознаменным. С огромным воодушевлением встретили на кораблях, в школах, экипажах высокую награду.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ КОРАБЛЯ

Военная техника не стоит на месте. Корабль, построенный много лет назад, сегодня может стать беспомощным против других, более современных кораблей. Его снаряды будут ложиться ближе, чем у новых кораблей, броня окажется слабее, а скорость уступит скорости кораблей противника.

Этого нельзя было допустить. Советская страна одержала первые победы на фронте индустриализации. Вновь задымились трубы многих бездействовавших предприятий. На чертежи и планы легли штрихи будущих Магнитостроев и Днепростроев.

Осенью мощные буксиры повели «Марат» по Морскому каналу к стенке Балтийского завода.

Как и семнадцать лет назад, старые рабочие Балтийского завода собрались на набережной. Они были строителями линкора и теперь гордились кораблем, ставшим славой Краснознаменной Балтики, любимцем всего советского народа.

Для Балтийского завода это был первый со времени революции крупный и весьма ответственный заказ.

Линкор разоружался. Поднимались роторы турбин, извлекались дизеля, — корабль вновь превратился в пустую

Модернизация «Марата» на Балтийском судостроительном заводе

коробку. Надо было спешить. Детали с клеймом «М» проходили в цехах вне всякой очереди.

Душой всей работы по модернизации линкора был руководитель ленинградских большевиков Сергей Миронович Киров. Не проходило недели, чтобы он не позвонил на завод и не осведомился, как дела. Если на каком-нибудь участке снижали темпы, отступали от графика, Сергей Миронович немедленно об этом узнавал, приезжал сам на завод, доискивался до причины задержки. Когда встречались трудности с металлом или другой завод задерживал детали, — во всех случаях строители и инженеры обращались к Кирову. Сергей Миронович тотчас же помогал.

В беседах с рабочими Сергей Миронович постоянно напоминал о роли «Марата» в системе вооруженных сил нашей страны.

— Военная опасность нарастает, торопитесь выпустить линкор досрочно, — говорил он.

А работа была немалая. Капитально ремонтировались дизеля, турбодинамо, ставились новые котлы. Краснофлотцы и командиры, участвуя в сборке и установке машин, многому учились у старых рабочих. Особенно выделялся неистощимой энергией старший механик корабля Шубин, знающий, опытный инженер. В его каюте лежала большая книга, в которой Шубин с бухгалтерской аккуратностью записывал все детали, отправленные на завод. Свой рабочий день старший механик обычно начинал с просмотра этой книги.

Однажды ночью механики, рабочие, мастера собрались в машинном отделении на испытание только что установленных турбин.

Открыли клапаны. Турбины постепенно набирали обороты. Механики прильнули к металлическим слухачам. прислушиваясь к ритмичному стуку роторов. Все в порядке. Люди расходились усталые, но удовлетворенные выполненной работой.

После модернизации значительно улучшились тактико-технические качества линкора. Котельное хозяйство, в частности, было приспособлено под жидкое топливо. По технике и вооружению линкор теперь не уступил бы лучшим кораблям современной постройки. Второе рождение «Марата» стало возможным благодаря успехам социалистической индустрии.

После модернизации корабль встретил Первомайский праздник на Неве, у моста лейтенанта Шмидта. Красавцем-линкором любовались сотни тысяч ленинградцев.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ВЫСОКАЯ ОЦЕНКА

Ясным осенним днем 1932 г. эскадра выстроилась на рейде. Сигнальщики «Марата» не отрывались от биноклей и наблюдательных труб.

— «Яков Свердлов» идет!

Сигнал «большого сбора» вызвал всех на верхнюю палубу. Маратовцы приготовились к встрече почетных гостей. Эсминец «Яков Свердлов», слегка покачиваясь на волнах, приближался к эскадре. Еще издалека маратовцы заметили на борту миноносца знакомую фигуру Ворошилова и рядом с ним невысокого человека в макинтоше стального цвета и в военной фуражке. Это был любимый руководитель ленинградских трудящихся—Сергей Миронович Киров, которого несколько лет назад маратовцы уже видели в своей дружной семье.

Нарком на катере обошел строй кораблей, Киров поднялся на «Марат». По сигналу старшего на рейде корабли снялись с якоря и в кильватерной колонне вышли в море. Краснофлотцы, покоренные простотой и обаянием Сергея Мироновича, запросто разговаривали с ним.

В правой лазаретной палубе перед Кировым выросла фигура старшины комендоров Макарова. Он вытянулся по-военному и отрапортовал, чеканя каждое слово. Сергей Миронович выслушал рапорт, потом спросил:

«Марат» на рейде

— Как ваше имя и отчество, товарищ Макаров?

— Константин Петрович.

— Ну, здравствуйте, Константин Петрович. — Киров протянул руку своему новому знакомому.

На кормовой электростанции Киров пытливо, со знанием дела осмотрел приборы, построенные на ленинградских заводах и недавно установленные на корабле. У одного из электриков невольно вырвалось:

— А вы разве служили во флоте?

— Служить, правда, не пришлось, — улыбнулся Сергей Миронович, — но приходилось иметь дело с флотом и моряками, особенно в 1919 году...

— Какое дело? — полюбопытствовал краснофлотец.

— Вам это интересно?

— Очень, очень интересно, — раздалось несколько голосов.

— Ну, так приходите после вахты в пятидесятую каюту, с удовольствием расскажу. А сейчас за воспоминания нам с вами невзначай достанется от наркома!

Вечером в каюте Кирова собралась вся смена электриков. Сергей Миронович пригласил гостей садиться. Он рассказал краснофлотцам о незабываемых днях обороны Астрахани, когда участники обороны шли в бой с гордым лозунгом: «Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским!» О себе, о своих делах Сергей Миронович старался не упоминать, хотя именно по его плану, под его командованием был захвачен форт Александровский — связующее звено между армиями Колчака и Деникина.

Долго продолжалась товарищеская беседа. Киров не только рассказывал сам, но и расспрашивал краснофлотцев о всех подробностях корабельной жизни.

В дни похода Сергея Мироновича уже в шесть часов утра видели на ходовом мостике.

С. М. Киров и К. Е. Ворошилов на борту линкора «Марат»
(с картины худ. Николаева)

Три дня провели среди маратовцев Ворошилов и Киров. На корабле состоялся большой вечер самодеятельности. Затейники и плясуны показывали свое искусство. Гости весело смеялись, слушая рассказ краснофлотца Макарова, впоследствии ставшего актером Краснофлотского театра, о похождениях хвастуна — корабельного кока.

— Живете и работаете вы хорошо, — сказал Киров маратовцам. — Если говорить начистоту, уходить от вас не хочется.

В книге почетных посетителей «Марата» Сергей Миронович оставил запись:

«Горячий братский привет краснофлотцам, командирам и политработникам могучего «Марата» от рабочих города Ленина и от большевиков ленинградской организации.

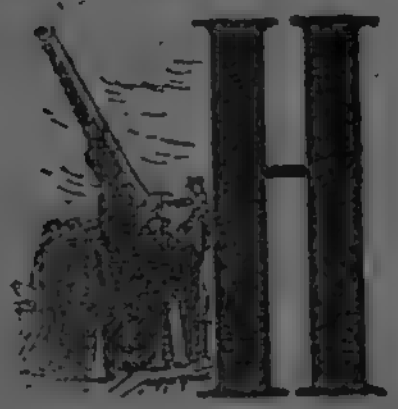
Пролетарии Ленинграда не сомневаются, что зоркие часовые нашего славного города — краснознаменцы-балтийцы — крепко овладеют военной и политической учебой и тем обеспечат наше общее победоносное социалистическое строительство под руководством боевой коммунистической партии и ее испытанного рулевого товарища Сталина.

Да здравствуют неустрашимые маратовцы!»

Глубокой осенью 1932 г. Балтийский флот совершил еще одно плавание под флагом Ворошилова. Личный состав кораблей получил большой опыт работы в штормовую погоду.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ВРЕМЯ НЕ ТЕРПИТ, ПРИБЛИЖАЕТСЯ ВОЙНА



Не напрасно Киров торопил рабочих Балтийского завода досрочно закончить модернизацию линкора. На Западе назревали крупные события. В Германии захватили власть коричневые гитлеровские банды. Финляндия готовила плацдарм для нападения на Ленинград. Вооруженные силы Советского Союза и его Красный Флот находились на чеку.

В напряженной боевой учебе прошли на корабле 1933 и 1934 гг.

Первый удар враги советского народа нанесли изнутри. Скорбь и гнев охватили весь личный состав «Марата». Убит Киров! Подлая злодейская рука оборвала жизнь Мироныча, близкого, родного каждому краснофлотцу! Вспоминались встречи с ним на корабле и работы по модернизации линкора, и боевые походы, и стрельбы, и беседы на ходовом мостике — все это сейчас вставало перед затуманенными печалью глазами, и сердца переполнялись ненавистью к подлым убийцам.

В дни траура десятки лучших специалистов корабля подали заявления с просьбой зачислить их на сверхсрочную службу. Многие выразили желание вступить в ряды большевистской партии. На подлое убийство С. М. Кирова маратовцы вместе со всей страной ответили: нет боль-

ше места ротозейству и благодушию! Враг живуч, он пытается сопротивляться. А потому — бдительность, бдительность и бдительность!

Высокая дисциплина, суровая требовательность, подтянутость стали законом боевой подготовки. Недаром 1935 г. принес кораблю крупные успехи.

Вскрытие турбин — одна из самых сложных работ в машинной группе. Завод запросил для этого много времени. Решили поручить ремонт самим краснофлотцам. Старшина Фиалкин возглавил инициативную группу. Краснофлотцы разбились на две смены и работали круглые сутки. Машины были пущены на 20 дней раньше срока. Ремонт был выполнен отлично. В летних походах не было ни одного заедания механизмов.

В боевой учебе упор был сделан на одиночную подготовку бойца, знание им материальной части оружия, четкую, быструю, почти автоматическую работу на своем посту. Почти все краснофлотцы сдали за год нормы на значок «Готов к труду и обороне». На общефлотских шлюпочных соревнованиях семь классных мест заняли маратовцы.

Так линкор «Марат» ответил на попытки врагов ослабить монолитность большевистских рядов.

...Снова осенний ветер вздымает волны залива. Снова вытянулись на рейде корабли, готовые к походу. И снова маратовцы встречают гостя. В конце 1935 г. на линкор прибыл руководитель ленинградских большевиков А. А. Жданов. Товарища Жданова особенно интересовало воспитание людей, организация учебы, успеваемость, роль партийной и комсомольской организаций в боевой подготовке.

Когда Андрей Александрович вышел на ют, его мигом обступили краснофлотцы.

Из задних рядов пробился невысокий смуглый боец:

— Дорогой товарищ Жданов, передайте трудящимся Ленинграда, что охраняем мы их надежно. Никто и никогда не прорвется в город Ленина.

Зенитчики «Марата»

— Непременно, непременно передам! Своими глазами вижу, — ответил Андрей Александрович, крепко пожимая руку бойцу.

В коммунальной палубе товарищ Жданов заметил краснофлотца с орденом Трудового Красного Знамени на груди. Это был молодой боец Александров, награжденный орденом за участие в героическом рейсе «Сибирякова» из Мурманска во Владивосток. Из короткой беседы выяснилось, что вчерашний кочегар торгового флота стал на «Марате» квалифицированным специалистом-электриком.

Товарищ Жданов прогостил у маратовцев трое суток.

Маратовцы знали: в этом посещении товарищем Ждановым их корабля сказалось то пристальное внимание, с которым партия и правительство следят за успехами и жизнью Красного Флота.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

НА СПИТХЭДСКОМ РЕЙДЕ

Весной следующего года «Марат» вышел в заграничное плавание.

По случаю коронации английского короля на Спитхэдском рейде у Портсмута был назначен военно-морской парад двухсот кораблей Англии и различных стран мира. Нести флаг Советского Союза выпало лучшему кораблю Краснознаменной Балтики.

В 5 часов утра 10 мая «Марат» вышел к берегам Англии.

Все было рассчитано. 17 мая линкор должен прибыть на Спитхэдский рейд. Но едва он вышел из Финского залива, как спустился густой туман. Туман держался несколько суток, но корабль продолжал итти вперед. Навигационная аппаратура не подвела, корабль не уклонился от курса. Эти дни дали большую практику командирам, показавшим прекрасное знание навигации.

В яркое солнечное утро 17 мая «Марат» достиг цели своего плавания. Над Спитхэдским рейдом реяли флаги всех стран мира. В строгом порядке стояли эскадры английских кораблей и многочисленные гости, — в том числе французский линкор, германский броненосец, японский крейсер, турецкий эсминец.

Появление на рейде большевистского линкора привлекло общее внимание. Сотни биноклей уставились на «Марат».

«Марат» подошел к отведенному для него месту. С мостика подали команду. Загремели якорные цепи. Краснофлотцы действовали быстро и четко. За 53 минуты корабль стал на якорь исключительно сложным способом фертоинг. Это произвело сенсацию даже в среде видавших виды английских моряков. Вспоминали, что до мировой войны один из лучших крейсеров русского царского флота здесь же становился фертоинг более полусуток. Участник празднества аргентинский линкор «Морено» провозился 13 часов, прежде чем выполнил сложный маневр постановки фертоинг. Высокий класс «Марата» не подлежал сомнению. Корреспонденты английских газет не могли удержаться от восхищения, описывая динамичную слаженную работу команды советского линкора.

22 мая по специальному сигналу на всех кораблях вспыхнули огни праздничных иллюминаций. «Марат» и в этом случае обратил на себя внимание: на его мачтах горели яркие пятиконечные звезды. С поразительной быстротой передавались световые эффекты. Антлийская печать отмечала, что «Марат» единственный из всех «гостей», полностью выдержавший программу световых упражнений.

В дни праздника краснофлотцы и командиры по приглашению местных властей побывали в Лондоне, посетили могилу Карла Маркса, знакомились с ценностями Британского морского архива, осматривали рабочие кварталы. Везде и всюду маратовцы обращали на себя внимание внешней подтянутостью, культурностью и примерным поведением. За все дни праздника не было ни одного случая нарушения дисциплины.

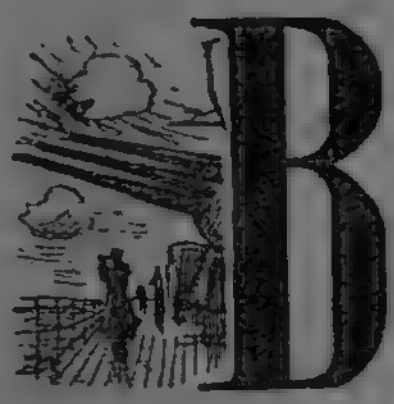
23 мая утром в таком же образцовом порядке «Марат» снялся с якоря и вышел в Английский канал. По пути он заходил в иностранные порты. Обратный поход проходил в очень неблагоприятной обстановке, разразился сильный шторм, достигавший 10 баллов. В Клайпеде, Либаве, Таллине население восторженно встречало маратов-

цев, открыто выражая им свои горячие симпатии. Особенно памятны были дни пребывания в Таллине. В Эстонской филармонии с исключительным успехом краснофлотцы демонстрировали свою художественную самодеятельность. Вечером у борта корабля теснились десятки шлюпок и катеров. Краснофлотцы распевали свои родные советские песни, и сотни слушателей подтягивали краснофлотцам, а затем долго им аплодировали.

5 июня «Марат» возвратился в Кронштадт, успешно завершив большой, трудный рейс.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ШКОЛА БЕССТРАШНЫХ МОРЯКОВ



В 1938 г. «Марат» достиг выдающихся успехов в боевой и политической подготовке. Он занял первое место среди кораблей Военно-Морского Флота СССР.

Международная обстановка накалялась. На Балтике ясно чувствовалось горячее дуновение военной бури.

Нарком Военно-Морского Флота СССР адмирал Н. Г. Кузнецов поставил перед Балтийским флотом и маратовцами новые, более сложные задачи. Всю учебу необходимо было приблизить к реальным боевым условиям. Учить тому, что нужно на войне и для войны, — это требование стало боевым девизом. Занимались огневой подготовкой в сочетании с маневром корабля, выходили на дневные и ночные стрельбы, проводили стрельбы на волне и в тумане по закрытым целям. Нарком требовал развивать шлюпочное дело, обучать краснофлотцев гребле, плаванию, хождению под парусами.

Артиллеристы «Марата», соревнуясь со своими товарищами по оружию на линкоре «Октябрьская революция», тщательно готовились к стрельбам, тренировались во-всю, чтобы добиться максимальной четкости и полной координации в действиях. Один из боевых отсеков линкора «Марат» превратился в артиллерийский класс с точными

приборами и своеобразным морским полигоном, на котором разыгрывались «бои».

Накануне зачетных стрельб старший артиллерист давал командирам вводные задачи, предлагал им производить расчеты, — делать все, что полагается в боевой обстановке.

...Группа артиллеристов собралась в классе. Произведены сложные расчеты. Подана команда. На маленьком матовом экране, далеко за силуэтом корабля, вспыхивают и гаснут белые столбики, обозначающие всплески воды. Это пока тренировка — беззвучная стрельба, но через несколько дней командиры будут управлять стрельбой, как в настоящем морском бою.

«Марат» вновь выходит в залив. Соседние корабли поднимают сигнал: «Счастливого плавания». Пусто на верхней палубе. Начинается привычная походная жизнь.

В башнях и машинах достигнута идеальная слаженность и полное взаимодействие техники и людей. Мало осталось от старика «Петропавловска», покинувшего стапели 30 лет назад. Страна дала флоту новейшую технику, умные, совершенные приборы и механизмы. С такой техникой шутить нельзя! Она заставляет подтягиваться, требует высокой культуры, точности — до десятых долей секунды. Неправильное, преждевременное или запоздалое движение одного только человека в башне может сорвать успех стрельбы.

Техника проникла во все уголки линкора. В кочегары раньше отбирали молодых парней атлетического сложения. Но теперь угольные топки, как и самые кочегары, отошли в область далекого прошлого. Слово «кочегар» вообще изъято из корабельного лексикона. Теперь есть котельный машинист. У нефтяных форсунок такая чистота, что там можно работать в белой одежде.

В просторном зале машинного отделения люди прислушиваются к четкой, размеренной работе турбин и вспомогательных механизмов. Котельные машинисты по сигналу включают новые форсунки. Давление пара растет, быстрее вращаются роторы турбин.

На командном мостике, у электрического телеграфа, стоит командир линкора. Его лаконичные приказания через секунду-другую достигают постов наблюдения, башен и боевых отсеков.

В двух шагах от командного мостика находится штурманская часть. Точные электронавигационные приборы — постоянно перед глазами штурмана.

Старший штурман линкора капитан-лейтенант Иванов склонился над картой. На карте тянется нескончаемая серая линия — курс корабля. Один лист карты свертывается, накладывается на другой, а серая линия тянется все дальше и дальше. По сигналу с ходового мостика линкор приступает к боевым эволюциям. Тогда для штурмана наступают самые напряженные минуты. Быстрота и точность сложных математических расчетов решают успех маневра.

Десятки зорких глаз с помощью оптических приборов наблюдают за морем и воздухом, ищут кораблей, подводных лодок или самолетов «противника».

Вот один из наблюдателей заметил в своем секторе темную точку — перископ подводной лодки и немедленно доложил вахтенному командиру:

— Слева, курсовой сорок, расстояние 20 кабельтовых, перископ подводной лодки.

Вахтенный командир принял решение повернуть на подводную лодку и открыть огонь.

Батареи через ровные промежутки времени дают дружные залпы. Вокруг вешки, условно обозначающей перископ, поднимаются каскады брызг.

...Поздно вечером линкор отдает якорь на рейде. Звенит над морем краснофлотская песня:

...Мы — храбрые люди,
Мы родину любим
И жизнь мы готовы отдать за нее —
За море широкое,
За небо высокое,
За красное знамя свое...

Вечером на «Марате» — открытое партийное собрание. Быстро заполняется просторная, ярко освещенная кают-компания. Мест нехватает, приходят со своими стульями. На собрание пришли все коммунисты и много непартийных большевиков — краснофлотцев и командиров. Краснофлотец Соболев, недавно принятый в члены ВКП(б), спокойно и уверенно ведет собрание, хотя он председательствует в первый раз.

Сегодня большой день в жизни многих товарищей — их принимают в партию. Вот поднимается с места краснофлотец, кандидат ВКП(б) Павел Бриллиантов. Сын бедняка, он рано начал самостоятельную трудовую жизнь. До службы во флоте он был и рабочим, и десятником, и председателем сельсовета. Во флоте он нашел хорошее применение своим молодым силам, изучил специальность и сдал экзамен на младшего командира. Всей своей жизнью и работой Бриллиантов доказал, что достоин быть в рядах большевистской партии. Коммунисты спрашивают, как овладевают специальностью краснофлотцы его подразделения, как сам Бриллиантов изучает «Краткий курс истории ВКП(б)».

Затем выступают товарищи, с которыми Бриллиантов живет в одном кубрике. Они дают Бриллиантову положительную характеристику, но отмечают, что он еще недостаточно требователен к своим подчиненным, а это не к лицу командиру-коммунисту. Бриллиантов соглашается — да, это так. Решение единогласное: принять Бриллиантова в члены ВКП(б).

Рассматривается еще несколько заявлений. Особенно примечательна биография бывшего проходчика метро, артэлектрика Ивана Маркова.

— Он всю Москву под землей прошел, — с гордостью говорят о Маркове друзья по кубрику.

Вдруг с места вопрос:

— Скажите, товарищ Марков, если вам придется завтра в бою жизнь отдать за дело партии, вы к этому готовы?

Штурман линкора капитан-лейтенант И. Иванов

— Когда придется встретиться с врагом, буду драться так, чтобы его уложить, а самому остаться живым, — отвечает Марков. — Но за родину и жизни своей не пожалею.

После XVIII съезда ВКП(б) в парторганизацию поступили десятки заявлений. Партийная организация тщательно изучала людей, к каждому подходила строго индивидуально, принимая в партию только лучших непартийных большевиков.

За несколько летних месяцев парторганизация линкора выросла на 65 процентов. В партийно-политической работе основным стало воспитание молодых коммунистов. Секретарь партбюро Ботов, инструктор пропаганды Новиков, парторги подразделений давали молодым коммунистам партийные поручения, проверяли их на деле. Секретарь партбюро узнал, что краснофлотцы Киреев и Козлов тяготеют к литературной работе — им поручили выпуск стенных газет, привлекли к работе в корабельной многотиражке «Маратовец». Для каждого коммуниста находилось поручение, соответствующее его интересам и способностям.

Партийная организация линкора объединила вокруг себя лучшую часть краснофлотцев и командиров, стала надежным помощником командования.

В разгар летней кампании 1939 г. корабли совершали большой поход в Балтийском море. На борту линкора «Октябрьская революция» находились член Главного военного совета Военно-Морского Флота СССР секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов и народный комиссар Военно-Морского Флота СССР адмирал Н. Г. Кузнецов.

Эскадра шла в боевом порядке. На много миль растянулась кильватерная колонна. Справа и слева от флагмана держались эсминцы, сторожевики и подводные лодки.

К вечеру установилась пасмурная погода. Флагманский корабль поднял сигнал: «Линкорам атаковать противника артиллерией». Не прошло и пяти минут, как последовало приказание:

— Линкору «Марат» открыть огонь!

После окончания стрельбы с миноносца, буксировавшего щит, сообщили: отмечено пять попаданий. Артиллеристы «Марата» еще раз показали свое высокое мастерство.

В Кронштадте, на большом рейде открылся митинг.

— Любите море! Любите наше советское море! — говорил краснофлотцам товарищ Жданов, призывая их свято хранить славные боевые традиции русского флота.

Вскоре после похода маратовцы справляли 18-ю годовщину своего корабля. В день торжества от Андрея Александровича Жданова была получена приветственная телеграмма:

«Ленинградский областной и городской комитеты ВКП(б) в день 18-летней годовщины линкора «Марат» шлют маратовцам свой горячий большевистский привет. Все эти годы вы доблестно и беззаветно преданно служили великому советскому народу. Большевики города Ленина и Ленинградской области выражают твердую уверенность в том, что вы и впредь с честью будете нести большевистскую социалистическую вахту, крепить боевую мощь Краснознаменного Балтийского Флота, свято храня революционные традиции великого русского флота.

Да здравствуют достойные сыны нашей великой социалистической родины — славные моряки линейного корабля «Марат»!

Да здравствует Краснознаменный Балтийский Флот!

Да здравствует наш могучий Военно-Морской Флот СССР!

Да здравствует организатор и вдохновитель наших побед — Всесоюзная Коммунистическая Партия большевиков!

Да здравствует великий Сталин!

Секретарь Ленинградского Областного и
Городского комитетов ВКП(б) *А. Жданов*»

18.07.39.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

„МАРАТ“ ГРОМИТ ВРАГА

В каюту комиссара вошла группа краснофлотцев. Высокий широкоплечий комендор выступил вперед и обратился к комиссару с просьбой о том, что волновало всех его товарищей.

— Товарищ военком, разрешите группе коммунистов, комсомольцев, а также непартийных большевиков отдать долг родине. Пошлите нас на фронт, на передовые позиции.

— Не торопитесь, товарищи, и до нас дойдет очередь,— спокойно ответил комиссар. — По последним данным, в Финском заливе появились корабли врага. Позаботьтесь о сбережении техники, а работы всем хватит...

Это было зимой 1939 г. Стояли лютые морозы. Землю устилал глубокий снежный покров.

Понадеявшись на суровые природные условия, на сталь и бетон своих укрепленных рубежей, финская военщина по наущению своих империалистических хозяев бросила наглый вызов Советскому Союзу.

30 ноября 1939 г. мирный покой пограничных деревень был нарушен провокационным обстрелом с финской стороны. По приказу советского правительства для обеспечения безопасности города Ленина и северо-западных рубежей нашей родины части Красной Армии двинулись на врага. В тот же день заговорили пушки наших фортов, а затем и корабли Краснознаменной Балтики.

Линкор стоял в боевой готовности. Дула зениток были направлены на запад, откуда могли появиться белофинские самолеты.

Но вот пришла очередь и маратовцам сражаться с врагом.

Комендорам, наводчикам, замочным командир 1-й башни тов. Романенко читал приказ командования:

«Противник оказывает сопротивление Приморскому флангу Красной Армии. Стрелковая дивизия продвигается в направлении Виппури. Эскадре Краснознаменного Балтфлота артиллерийским огнем разрушить береговые батареи Сааремпя и Торсаари и поддержать продвижение левого фланга Красной Армии».

Командир башни пояснил обстановку и задачу батареи. Его ближайший помощник политрук Цаланов высказал свои соображения, как лучше расставить силы по боевым постам. Опытным глазом артиллериста Цаланов — бывший старшина башни — осмотрел боевые посты, проверил готовность механизмов.

— Мы идем громить крепость Бьорке, известную старым морякам, — говорил политрук краснофлотцам. — 21 год назад из этой крепости на Кронштадт враг выпустил торпедные катера, метившие в самое сердце Красного Флота. Дорого обошелся ему этот налет! Теперь мы раз и навсегда должны обеспечить безопасность города Ленина.

До похода оставалось несколько часов. На фугасных снарядах мелом сделали надписи: «За родину», «За Сталина», «За великую Сталинскую Конституцию». Краснофлотцы и командиры вручали политруку заявления с просьбой принять их в ряды большевистской партии. За сутки перед боем в партийную организацию линкора поступило 101 такое заявление и 140 заявлений в комсомол.

«Мое искреннее желание итти в бой, а если погибнуть, то только коммунистом».

«Прошу принять меня в ряды ленинско-сталинской партии. Ей я обязан всем и за нее я готов не пощадить своей жизни».

«Желаю перед боем вступить в большевистскую партию. Прошу учесть: если потребуется, я первым пойду в десантный отряд по уничтожению белофинских укреплений».

Краснофлотец Гринин написал в боевом листке: «Идя в бой за родину, за Сталина, против финских белобандитов, я готов драться, не щадя своей жизни, чтобы обеспечить победное продвижение сухопутных войск Карельского перешейка, в рядах которых сражаются три моих брата».

К девяти часам стало светать. После побудки краснофлотцы слушали передававшуюся по радио оперативную сводку штаба Ленинградского военного округа. В это время раздался сигнал боевой тревоги. В рубку командира корабля доносились отдельные голоса:

— Вторая боевая часть готова!

— Третья боевая часть готова!

Одно и то же слово летело по переговорным трубам: «Готово, готово, готово...»

Под форштевнем линкора затрещал лед. Корабль выходил в море.

Справа открылась полоска лесистого берега. «Марат» навел на берег свои гигантские пушки.

В башнях зазвучал ревун.

— За родину, за Сталина, за свободный советский народ!

Ударил первый залп. На далеком берегу вспыхнули зеленоватые огоньки. Через полминуты почти у самого борта поднялся столб воды.

— Всплеск у правого борта в 50 метрах!

Белофинская батарея из глубины леса вступила в поединок с кораблем. Линкор — отличная для нее цель. Его громадный силуэт четко вырисовывался на утреннем небе.

Батарея посылала в линкор десятки снарядов. Умело маневрируя, корабль уклонялся от вражеского огня. Вот когда пригодилось умение, накопленное маратовцами годами усиленных тренировок!

В Низовую комсомольскую организацию дивизиона живучесть ок краснофлодца комсомольца Ширшова Д.П.

Заявление

Прошу низовую комсомольскую организацию дать мне рекомендацию кандидатом в члены (В.К.П.Б.) Так как я хочу работать в нашей коммунистической партии и итти в бой коммунистом и если понадобится умереть за родину за Сталина и за коммунистическую партию.

Д. Ширшов

1/XII 39 г.

Заявление участника боев с белофиннами тов. Ширшова

8 Марат

Вражеские снаряды, разрывавшиеся сперва вблизи от маневрировавшего корабля, с каждой минутой ложились от него все дальше и дальше. Белофинские артиллеристы явно нервничали.

«Марат» точно в положенный срок выполнил боевую задачу. Материальная часть артиллерии даже в трескучий мороз работала прекрасно, без пропусков и задержек. В оперативной сводке на следующий день было коротко сказано:

«Группа кораблей Балтфлота успешно бомбардировала береговые батареи в районе Бьорке».

К концу декабря Финский залив сковало толстым льдом. Действия надводных кораблей были затруднены. Тогда моряки стали на лыжи.

Сотни краснофлотцев «Марата» захотели вступить в лыжный отряд, предназначенный для глубоких рейдов в тыл врага. Но брали не всех, а лишь хороших лыжников, метких стрелков, искусных разведчиков. На каждое место в отряде приходилось по четыре кандидата. Многие краснофлотцы пожалели теперь, что в мирное время не научились хорошо ходить на лыжах.

Маратовцы выделили в отряд своих лучших лыжников. Это были: радист Павел Кожемяко, трюмные машинисты Дмитрий Бутузов, Арсений Ширшов, Георгий Тихонов, комендоры Петр Морщагин, Василий Угрюмов и химик Аверкий Шубин.

Отряд действовал на левом фланге частей Красной Армии, вблизи укрепленного района Муурила, где кончалась «линия Маннергейма». Балтийцы возродили традиции незабываемой «матросской роты» 1919 г., самоотверженно сражавшейся на фронтах гражданской войны. Маленькими группами, в маскировочных халатах, ночью просачивались они в тыл белофинским батареям, разведывали расположение муурильских дотов, минных полей, надолбов, проволочных заграждений и нередко с боем прокладывали себе обратный путь. На утро командование отряда получало исчерпывающие данные о противнике.

Маратовцы — бойцы отряда мирян на финском фронте. Слева направо — П. Мартынин, Д. Бутузов и А. Шубин

Краснофлотцы и командиры жили в землянках на берегу залива. Здесь несколько месяцев назад находилась деревня Русси, сожженная дотла отступавшими белофиннами.

...Пять часов утра. Для разведчиков самое подходящее время. Группа бойцов во главе с начальником штаба отряда Чепрасовым по льду залива отправилась в глубокий тыл врага. Командир разведки выслал дозорных к месту расположения дота. Пошли маратовцы Морщагин, Тихонов, Шубин, Бутузов и Ширшов. Они пробирались лесом, короткими перебежками от дерева к дереву, держа наготове винтовки и гранаты.

Опытный глаз разведчиков сразу различил замаскированные укрепления. На подступах к ним — минные поля. Краснофлотец Бутузов прополз и окопался в снегу. Поодаль с большими ящиками в руках сновали между сугробов белофинны. Нетрудно было догадаться, что завтра здесь будут новые минные поля. Морщагин сделал отметки на карте. Товарищи охраняли его, зорко осматриваясь по сторонам.

К концу дня по своим же следам, еще не занесенным снегом, разведчики вернулись к командиру, доставив карту расположения минных полей.

Незадолго до наступления на «линию Маннергейма» маратовцы вновь отправились в разведку.

На этот раз задача была потруднее — проникнуть в один из наиболее укрепленных районов врага, установить расположение огневых точек и, если представится возможность, достать «языка».

Когда достигли исходной позиции, лейтенант Чепрасов выделил нескольких бойцов, в том числе Морщагина, Тихонова, Шубина, Бутузова, для проведения важной операции.

Десять разведчиков под командованием Тихонова и Морщагина спустились к берегу. Первым шел Тихонов, за ним Морщагин.

Вдруг Морщагин остановился.

— Смотри, колья и проволока...

По цепи пронеслась команда «стой!»

Финны обозначили для себя минные поля, но краснофлотцы разгадали их условные знаки и предостерегали друг друга.

Разведка свернула на шоссейную дорогу.

— Тут устроим засаду, — решил Тихонов.

По обе стороны шоссе тянулся густой лес. Бойцы разделились на две группы и залегли в лесу.

Наблюдатель сообщил:

— Товарищ командир, справа шум мотора.

Прислушались. В самом деле, приближалась машина.

— Приготовить гранаты!

По шоссе полным ходом мчался грузовой автомобиль, доверху груженный военным снаряжением.

Тихонов метнул связку гранат. Грохот, пламя, груда обломков. Краснофлотцы выскочили из засады, — работа точная! Кое-чего белофинны не досчитаются.

Пора было возвращаться обратно. Бойцы шли врассыпную, на расстоянии 100—120 метров друг от друга. Вдруг впереди из-под снега метелкой вылетели искры. Бойцы замерли, а затем неслышно подкрались поближе. Теперь они уже ясно видели трубу, торчавшую из сугроба. Это была офицерская землянка. Прислушались: из-под снега доносились пьяные голоса.

— Сейчас дадим им жизни, — шепнул Тихонов.

Морщагин обошел землянку и сильно дернул дверь. Внутрь полетела связка гранат. Белофинские офицеры нашли в землянке свою могилу.

Последняя часть пути лежала по заливу. Разведчики помнили наказ командира — выходить на лед поодиночке и в разных местах.

Несколько часов назад маратовцы сидели в засаде — теперь белофинны подстерегали их. На деревьях притаились снайперы, замаскированные пулеметные гнезда пре-

граждали путь к заливу. Враги хотели отрезать разведчикам путь к отступлению, захватить их живьем.

На Тихонова и Морщагина разом набросилось несколько человек.

— Клади оружие! — кричали белофинны.

Вместо ответа Морщагин со штыком наперевес бросился вперед и уложил двух белофинских солдат. Слева к нему бежало еще двое. Он размахнулся. Граната взметнула снег.

Командир отделения, всегда спокойный, уравновешенный трюмный машинист Ширшов схватился с четырьмя белофиннами. Действуя штыком и прикладом, Ширшов свалил трех белофиннов, а четвертого — раненого офицера — взвалил на себя и потащил к заливу.

Четыре часа шел бой. Разведка вырвалась из окружения, доставив в отряд двух своих раненых товарищей.

Когда начался разгром «линии Маннергейма», маратовцы шли в цепях наступавших. Арсений Ширшов со своим отделением был в головной колонне.

Враг ожесточенно сопротивлялся. Целые сутки пришлось пролежать у проволочных заграждений. Пулеметный огонь не давал даже голову поднять. Наконец последовал сигнал «вперед!» Ширшов, гранатами взрывая проволоку, с возгласом «За родину, за Сталина!» бросился в атаку.

Пробежав несколько шагов, он упал навзничь, затылком в снег. Пуля ударила его прямо в грудь. Комиссар едва успел пожать его холодеющую руку.

— Вперед, отомстим за смерть товарища!

Бойцы яростно обрушились на врага. Наступление развертывалось по всему участку фронта. Первая линия укреплений была прорвана.

Под натиском героической Красной Армии пала хваленая «линия Маннергейма».

— На Выборг! — звучал грозный призыв, и советские танки, развивая успех, преследовали врага.

Участник боев с белофиннами на сухопутье
старшина 2-й статьи Г. Тихонов,
награжденный орденом Красной Звезды

— На Выборг! — подхватывали краснофлотцы, как двадцать один год тому назад их старшие товарищи кричали: «На Ямбург!», «На Ростов!», «На Варшаву!» Молодое поколение моряков не уступало отцам в отваге.

За несколько дней до окончания военных действий не возвратилась разведка, высланная в район мыса Ристиниеми. Люди ушли — и точно в воду канули.

Тридцать добровольцев вызвались итти на поиски пропавших товарищей. Среди них были маратовцы Тихонов, Морщагин и непременный участник многих разведок, «глаза и уши» отряда — радист Павел Кожемяко.

Командир разведки подсчитал по карте расстояние до мыса. Вышло полных 98 километров.

— Выступаем в двадцать четыре ноль ноль. Проверьте лыжи, оружие. А пока — все на отдых!

Краснофлотцы разошлись по своим «квартирам» — дотам и землянкам, несколько дней назад отбитым у белофиннов. Комендор Морщагин со своим неразлучным другом Кожемяко расположились в одном из железобетонных укреплений.

Кожемяко предложил послушать Москву и, откинув крышку походной рации, выдвинул тонкую проволочную антенну.

Друзья слушали музыку. Голос диктора в наушниках казался таким родным и близким. Ровно через тридцать минут Кожемяко свернул свою рацию:

— Довольно, нужно отдохнуть.

Сухие еловые ветки были разбросаны по бетонному полу. Краснофлотцы легли и прижались друг к другу, пытаясь согреться.

— Я сегодня письмо получил от командира корабля,— сказал Морщагин.

— Письмо с «Марата»? От Белоусова?

— Командир просит посмотреть, хорошо ли получились попадания снарядов «Марата». О наших разведках они по газетам знают, вот прислали вырезку.

Краснофлотец-маратовец Арсений Ширшов, погибший геройской смертью в дни войны с белофиннами

Морщагин чиркнул спичку и вынул из кармана помятый листок газеты «Маратовец». Вполголоса он прочел стихотворное обращение корабельного поэта к героям Карельского перешейка:

Привет вам, мужественным братьям,
От грозной Балтики привет!
Мы принимаем вас в объятья,
Герои доблестных побед!
Вперед, друзья, к победам новым!
Вас всех приветствует, как брат,
Всегда на бой итти готовый,
Прославленный линкор «Марат».

Близилась полночь. Вот и команда:

— Выходить наверх, строиться по-боевому!

Краснофлотцы в белых халатах поспешно выбирались из своих подземных «квартир».

— Товарищ Морщагин, в разведке вы выполняете обязанности комиссара, — сказал батальонный комиссар Богданов. — Командиру и вам вручается жизнь наших лучших бойцов. Берегите их и выполните задачу.

Краснофлотцы стали на лыжи и лесом двинулись к заливу. Как на зло, ночь была ясная и лунная. Пришлось уходить подальше от открытых мест. За сутки лыжники прошли десятки километров, делая по временам недолгие остановки. Они уже находились на территории противника. Ясно доносился гром артиллерийской канонады. Командир сверился с картой.

— Смотрите, как точно пришли! — Разведка была на мысе Ристиниеми.

Короткий зимний день был на исходе. Падал снежок.

Кожемяко успел связаться по радио с командованием лыжного отряда и передать донесение.

— Небольшая ударная группа пойдет вперед и прощупает берег, а мы сделаем остановку, — приказал командир.

Участник боев с белофиннами капитан-лейтенант
Л. Новицкий

В разведку была назначена часть бойцов во главе с Тихоновым.

Мыс Ристиниеми треугольником вдавался в залив. Над ним возвышалась черная башня маяка. Приблизившись к берегу, Тихонов увидел шоссейную дорогу, по которой туда и сюда сновали автомобили. Справа стояли зенитные батареи белофиннов, обстреливавшие наши самолеты.

Разведчики осторожно пробрались в глубь леса, почти к самым орудиям, занесли их на карту и незамеченными вернулись назад. Доложили обстановку командиру.

Наступала ночь. Вторая бессонная ночь в лесу, на морозе.

Командир группы приказал в полном составе двигаться к мысу. Надо было овладеть маяком и установить на нем пулемет.

Тихонов с тремя бойцами пополз по льду к подножью маяка. Вот и крыльцо. Три ступеньки вели к тяжелой железной двери. По винтовой лестнице бойцы поднялись на верхнюю площадку. Пусто. Первым делом надо было укрепить и замаскировать пулемет. Местность с маяка была видна, как на ладони. Правее от маяка Тихонов видел своих товарищей, которые продвигались к берегу, видел, как поодаль финны скапливаются для атаки.

Взвились ракеты. Но разведчики не дали застигнуть себя врасплох. Они заметили перебежку шюцкоровцев, пытавшихся окружить их и захватить в плен. Разведчики первыми открыли огонь.

Морщагин подал команду:

— Не подпускать ни на один метр!

Белофинны хотели отрезать путь разведке и, ничего не подозревая, ползли к маяку. И вот тогда с башни застрекотал пулемет. Враги растерялись. Отступать было поздно. Огнем своего пулемета Тихонов уничтожил всю группу.

Но положение разведки было тяжелое. Морщагин со своими бойцами уже целый час отбивался от наседавших

со всех сторон шюцкоровцев. То-и-дело взлетали ракеты — это белофинны освещали цель. Патроны у краснофлотцев были на исходе.

— Живыми не сдаваться, последняя пуля — себе! — напомнил Морщагин своим друзьям железный закон советского воина.

Белофинские ракеты оказали Тихонову услугу. Он заметил огневые точки врага и взял их под обстрел. Воспользовавшись этим, группа Морщагина вырвалась из окружения. Но нельзя было покинуть товарищей, оставшихся на маяке.

Отступив поближе к маяку, бойцы отвлекли внимание противника. Тем временем Тихонов и трое других бойцов незаметно выбрались на лед. Краснофлотца Макеева, раненного в обе руки, Морщагин на своих плечах вынес из-под обстрела.

Разведчики собрались в условленном месте и, совершив десятичасовый марш, возвратились в отряд.

В боях с белофиннами маратовцы покрыли себя немеркнущей славой. Боевые заслуги лучших из них были высоко оценены партией и правительством.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ОГОНЬ ГЛАВНОГО КАЛИБРА

Знойное летнее утро 22 июня 1941 года. С моря веет свежим ветерком. В гавань входит сторожевик, возвращаясь из ночного дозора, снуют буксиры и катера, перекликаются гудки и сирены. На гранитной стенке сегодня не видно юных рыболовов, на тенистых аллеях Петровского парка не играет детвора. Несколько часов войны успели внести много нового, необычного в жизнь базы Балтийского флота.

Покидают гавань эсминцы, подводные лодки, торпедные катера. Зенитные орудия, машины с широкими пастями звукоулавливателей появились рядом с киосками минеральных вод.

На улицах у репродукторов толпы людей с суровыми, озабоченными лицами слушают речь товарища Молотова:

«Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Близки и понятны эти слова жителям старинного морского города, который много видел, много выдержал, много испытал. Не первый раз в истории встречать ему врагов.

Кронштадт издавна жил суровой крепостной жизнью. Расписаны были по боевым постам все жители, вплоть до учеников, подмастерьев. Ни один чужеземный захватчик не ступал на кронштадтскую землю. Здесь, у устья Невы, сам Петр бился в абордажных схватках. На фортах часами под лютым огнем недвижно стояли у орудий моряки-артиллеристы, ожидая приказа. Враг рвался к фортам... «Картечь!» — и пламя опаляло врагов, чугун вонзался в их ряды, и шипела вода, окрашенная кровью.

И сегодня жив дух старого воинственного Кронштадта. Дула орудий его фортов грозно устремлены на запад.

У гранитной стенки гавани стоит «Марат». На корабле только что закончился митинг, отзвучали гневные, негодующие речи: бить немецких разбойников, как били их наши отцы, наши старшие братья на этом же славном русском линкоре в империалистическую войну 1914—18 годов, в гражданскую войну, в дни боев с белофиннами. Сейчас каждый маратовец занял свой пост по боевому расписанию. К вечеру «Марат» принял дополнительный боезапас и продовольствие.

Бодрствуют вахтенные, а те, кому положено отдыхать, спят чутко, тревожно.

Бои идут на далеких подступах к Ленинграду. В море — у островов, в проливах, на важнейших коммуникациях — наши корабли ищут встреч с врагом.

Тает летняя ночь. Восток окрасился алыми пятнами. Над водой поплыли предательские сизые дымки. Вот из широкой, просторной бухты вышел сторожевик. Позади остались берега, утопающие в пышной, цветущей зелени. Лейтенант Василий Лобанов заступает на вахту и про-

кладывает курс. Корабль находился между двух островов. Послышался голос сигнальщика Куимова:

— Справа на курсовом сорок подводная лодка.

Лейтенант увидел, как на спокойной морской глади расходятся два усика — след перископа вражеской подводной лодки

— Право на борт.

Фашистская лодка заметила опасность. Перископ исчез. Лодка ушла на глубину. Сторожевик полным ходом несется к месту, где еще заметны следы от бурунчика.

Свисток. Взмах флажка. Первая... вторая... третья бомба. Пауза, и очередная серия бомб устремляется за борт. За кормой подымается необычайный водяной конус. Во все стороны расходятся огромные круги. Вскипает вода, и на том месте, где пять минут назад были пузыри, ясно обозначаются ржавые и масляные пятна. Так была потоплена одна из первых немецких подводных лодок.

...После полудня воздушные разведчики Краснознаменного Балтийского флота в далеком шхерном районе обнаружили старого знакомого — финский броненосец береговой обороны, который прятался во время финской кампании, да и теперь не решался показать в море свой нос. Неподалеку от него курсировали миноносец и сторожевик.

Несколько самолетов-пикировщиков из части Героя Советского Союза полковника Крохалева с огромной высоты ринулись в пике, обрушив на врага груз бомб и огонь своих пушек и пулеметов.

На глазах у летчиков бомбы разрушили в носовой части миноносца надстройки и корпус, и миноносец погрузился в воду. Вокруг него засуетились катера, подбирая команду. Очередная воздушная атака — и вот бомбы уже рвутся на палубе финского броненосца береговой обороны, выводят из строя сторожевик.

В это же самое время в другом квадрате наши корабли обнаружили два фашистских транспорта с горючим, предназначенным для немецких танков, застрявших на Северо-

Старый маратовец — командующий Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц

западном фронте. Торпедные катера ринулись в атаку. Враг пытается увернуться, огрызается, но на помощь катерам пришли самолеты, и сразу запылали фашистские транспорты, охваченные огнем и дымом.

В дни наступления немцев на столицу Эстонской республики — Таллин красные моряки отвечали на удар ударом, на атаку — контратакой, на воздушное нападение — ожесточенной бомбежкой войск противника, на артиллерийский огонь — мощным огнем орудий флота. Расчеты немецкого командования на быстрый захват Таллина разбились о железную выдержку и стойкость наших бойцов. У стен древнего города были разгромлены отборные части германской армии.

Немцы открывали губительный огонь по отдельным участкам. В ответ на это бойцы шли в атаку. Четверо суток тяжелая артиллерия противника била по порту и рейду, пытаясь помешать эвакуации. Стремительным натиском балтийцы вырвались из окружения.

В ясные осенние дни немцы прорвались к Ленинграду. Дым пожаров стлался над Финским заливом. Ружейно-пулеметная трель была уже слышна у городских застав. Днем и ночью над городом появлялись волны «Юнкерсов». Город-герой стойко и мужественно отражал воздушные атаки врага.

С каждым днем все больше и больше сжималось вражеское кольцо. Враг подошел к самым стенам города. На окраинах Ленинграда возводились баррикады, подъезды многих домов превратились в пулеметные гнезда. В эти суровые дни все — от мала до велика — чувствовали себя бойцами. По улицам шагали полки и дивизии народного ополчения. Целыми семьями уходили ленинградцы на оборону родного города. Новые танки и пушки двигались на фронт прямо из заводских ворот. Под свист снарядов рабочие делали мины и автоматы, наполняли зажигательной смесью бутылки, чтобы вооружить ими отважных истребителей фашистских танков. К артиллерийскому

обстрелу привыкли быстро. «Это входящий», безошибочно определяли ленинградцы, заслышав сухой и резкий разрыв где-нибудь за соседним домом. Прокатится над Невой артиллерийский грохот, и люди, продолжая спокойно работать, с удовлетворением замечают: «Наши бьют — исходящие».

В эти суровые, опасные дни моряки Балтики и маратовцы заявили на всю страну:

«Мы даем священную нерушимую клятву: пока бьется наше сердце, пока видят глаза, пока руки держат оружие, не бывать фашистской сволочи в городе Ленина».

На берег вышли и вступили в бой отряды бесстрашных балтийцев. Вместе с частями Красной Армии они приняли на себя удары десятков мото- и бронедивизий Гитлера.

Сколько раз немцы хвастливо заявляли, что Ленинграду не устоять, и назначали даже день и час вступления в северную столицу. Однажды они даже назначили в гостинице «Астория» банкет, на который немецким и финским офицерам были разосланы пригласительные билеты. Сплошная завеса артиллерийского огня преградила путь врагу, нанося ему огромный урон в технике и живой силе. Но враг упорно лез вперед, непрерывно подбрасывая все новые и новые резервы. По железной дороге и на грузовиках на Ленинградский фронт прибывали запасные гарнизоны из Франции, Бельгии, Югославии. Они вступали в действие, но быстро изматывались, обескровливались в непрерывных упорных боях. Доставленная на самолетах с острова Крит отборная парашютная дивизия была разбита, истреблена. «Лучше три раза спрыгнуть на Крит, чем один раз побывать под Ленинградом», записал в своем дневнике перед гибелью немецкий парашютист Зейбель Вальтер.

Неприступной каменной громадой стоял великий город. Враг подобрался к нему так близко, что на фронт ездили в трамвае. Но как ни рвался враг, как ни стремился он прорвать наши укрепленные рубежи, ему это не удавалось.

Не помогли ни ожесточенные бомбардировки, ни шквальный артиллерийский огонь, ни «психические атаки». Моряки дали слово и твердо держали его.

— Ни шагу назад! Здесь фашисты должны быть остановлены и разгромлены.

9 сентября в 13 часов 45 минут на линкоре была объявлена готовность № 1.

Во время боев на далеких подступах к Ленинграду группа маратовцев вышла на передовые позиции. Они облюбовали место, откуда открывалась широкая панорама местности, и здесь создавали свой корректировочный пост. Строили блиндаж, рыли глубокий окоп для наблюдения и корректировки стрельбы.

Немцы были на расстоянии нескольких сот метров. Невооруженным глазом видны ряды проволочных заграждений, немецкие окопы, дома, превращенные немцами в дзоты, и шоссе, уходившее вдаль.

— Шоссе на этом участке — основная коммуникация у немцев. Не сводить с него глаз ни днем, ни ночью, — приказал своим бойцам командир корректировочного поста старший лейтенант Стародубцев.

Телефонисты Котов и Неласский издалека тянули к наблюдательному пункту провода. Приходилось преодолевать участок местности, который простреливался немцами. Телефонисты привыкали к воющему звуку мин, к близким разрывам вражеских снарядов. Несколько раз их засыпало землей. Они отряхивались и шли дальше, упорно выполняя боевой приказ. И к тому моменту, когда настала пора действовать, линия связи была закончена.

В окопе удобно расположился радист Дедов с маленькой портативной установкой.

Немцы готовили наступление. Ночью по шоссе двигались вереницы автомобилей с пехотой, танки, бронемашины. Наблюдатели маратовского корректировочного поста следили, в каком направлении идут и где скапливаются немецкие резервы, и обо всем доносили на корабль.

А на «Марате» только этого и ожидали.

— На корректировочном посту!

— Есть!

— Усилить наблюдение. Открываем огонь по скоплениям моторизованных колонн и пехоты немцев.

В окуляры биноклей и стереотруб открывалась картина расположения немецких частей. Прошедшей ночью сюда прибыли грузовики с пехотой. Последняя колонна машин двигалась уже днем.

На линкоре все уже готово к стрельбе. В боевой рубке линкора — управляющий огнем главного калибра капитан 3-го ранга Лебедев. Перед ним карта, расчеты, квадрат на карте, обведенный красным карандашом. По этому квадрату сейчас ударит линкор.

Из погребов подают тяжелые снаряды.

— Ну, гады, достанется вам сегодня, — бросает от всего сердца старшина второй статьи Серов. Его товарищ берет мел и широким размашистым почерком выводит на многопудовых снарядах: «За родину», «За Сталина», «За Ленинград», «За наших жен и матерей».

— Точка наводки — знак «Т». Орудия зарядить!

— Прицел, целик.

Плавно поднимаются дула орудий. Управляющий огнем смотрит на часы. Связист вызывает:

— Корректировочный пост!

— Есть!

— Внимание!

Залп. Сверкнуло пламя. Дрогнул борт линкора. Из жерл орудий пополз желтый дымок.

— Первый пошел,— передал радист. Снаряды со свистом проносятся над корректировочным пунктом и рвутся в занятом немцами поселке, взметая языки огня и столбы густого черного дыма.

— Немец нервничает. Наши гостинцы пришлись ему не по вкусу... — передает наблюдатель при виде машин и повозок с боезапасом, выскочивших на шоссе и устремив-

шихся в панике неведомо куда. Корректировщик передал на линкор отклонение.

Новый залп, и впереди видны новые разрывы. Снаряды угодили в гущу немецких войск.

— О це вам Ленинград кланяется, — говорит наблюдатель и тут же добавляет: — Товарищ командир, они бегут влево, треба еще им добавить...

— Десять лево, залп...

Орудийные залпы вновь пронеслись над городом и заливом. «Марат» вел огонь точно по цели.

Где-то вдали над расположением немецких частей пополз в небо аэростат наблюдения.

— Товарищ командир, немцы аэростат подняли, интересуются, кто стреляет.

В небе появился наш ястребок. До корректировщиков донесся треск пулеметных очередей. Аэростат вспыхнул, как факел. На парашюте долго болталось тело горевшего немца-наблюдателя.

В тот день «Марат» разгромил сильную немецкую группировку. Вечером на линкоре получили шифровку, которая заканчивалась словами:

«...Командование Армии объявляет личному составу корабля благодарность за отличную стрельбу».

Ночью, стоя на вахте у зенитных пушек или на наблюдательных мостиках, маратовцы видели зарево далеких пожаров. Это фашисты жгли замечательные пригороды Ленинграда. В злобе сжимались сердца, кипела ненависть. И комендор у орудия главного калибра, и зенитчик на открытом мостике — каждый на своем посту решил быстрой и точной работой сводить счет с врагами, мстил им за любимый город.

Маратовский корректировочный пост находился под постоянным обстрелом; вокруг рвались мины, летели осколки снарядов, «Мессершмитты» пикировали и строчили из пушек и пулеметов. Но полпреды «Марата» привыкли к боевой обстановке. Они стояли на посту в эти смер-

тельно опасные минуты и наблюдали за каждым разрывом наших снарядов. Они видели плоды сокрушительного огня маратовской артиллерии — перевернутые танки, сплющенные массы железа и навалы немецких трупов, остававшихся на поле боя после каждой попытки немцев наступать.

Не раз немцы массированным танковым ударом пытались вклиниться в нашу оборону. С корректировочного поста мигом подавался сигнал, и шквал огня преграждал путь врагу. Эта неистовая сила «Марата» давала немцам знать о себе днем и ночью.

Огнем маратовской артиллерии управлял капитан 3-го ранга Константин Петрович Лебедев, большой мастер своего дела, веселый и общительный товарищ, строгий и требовательный командир и начальник. Лебедева знали не только на линкоре. Маршал Ворошилов, посещая «Марат», не раз отмечал высокое мастерство Лебедева и несколько лет назад наградил его именными золотыми часами.

10 сентября кто-то вспомнил, что сегодня день рождения Лебедева. В маленькую, тесную каюту один за другим стали приходить командиры башен, политруки, старшины, прослужившие много лет на линкоре. Под руководством Лебедева они стали хорошими артиллеристами и сейчас от души поздравляли своего начальника, учителя, друга.

В каюте тесно. Настежь открыты двери. Старший артиллерист корабля растроган вниманием товарищей:

— Родные мои, с вами вместе сегодня мы громим фашистов из наших пушек, а завтра, если нужно будет, пойдем на этих мерзавцев с винтовкой, будем драться с ними врукопашную. И если во имя победы придется пожертвовать своей жизнью, то и жизни своей не пожалеем. Ведь мы маратовцы, балтийские моряки...

После обеда Лебедева вызвал к себе командир корабля.

— Мы долго думали, что бы такое вам преподнести, и остановились на этом подарке. Думаю, что он к великой отечественной войне имеет прямое отношение...

Командир линкора протянул маленькие томики в золотистом переплете. Это был Пушкин. На заглавном листе первого тома рукой командира было написано:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.

Лебедев прочел эти строки и задумался. В это время прозвучал сигнал боевой тревоги. Лебедев накинул плащ, выбежал из каюты и мигом очутился в боевой рубке.

Немцы переходили в новое наступление. Стальные чудовища с лязгом и грохотом ползли к нашим проволочным заграждениям. Командование армии приказало «Марату» поставить заградительный огонь.

Лебедев и его ближайший помощник — командир дивизиона Новицкий нанесли на карту самые свежие данные, быстро произвели расчет, и корабль дрогнул от могучего залпа.

Трижды на протяжении этого дня открывал «Марат» огонь, через завесу которого не мог прорваться ни один немецкий танк, ни один гитлеровский автоматчик. Наступление немцев было остановлено. Огонь линкора заставил их спрятаться в блиндажи и окопы, сидеть в норах много часов подряд. А поздно вечером того же дня командование армии вторично послало маратовцам благодарность.

Последующие дни были такими же напряженными, но люди не чувствовали усталости.

В темную осеннюю ночь с 11 на 12 сентября разведка установила, что немцы готовят новое наступление, стягивают пехоту, танки, артиллерию, рассчитывая под покровом ночи прорваться к городским заставам.

Флот получил приказ остановить врага.

Сигналы колоколов громкого боя подняли маратовцев среди ночи. На широкой палубе мелькали тени краснофлотцев, безмолвно разбегавшихся по башням, зенитным мостикам, наблюдательным постам...

— Корректировочный пост!

— Есть!

— Стрельбу будем вести одновременно по пунктам А и Д. Наблюдать за разрывами...

И артиллерия «Марата» обрушилась на немцев мощным огневым валом.

Корректировщики великолепно справлялись со своей задачей. Бесстрашно выдвигаясь все ближе и ближе к расположению немецких частей, они передавали на корабль сведения о разрыве каждого снаряда. Над головой свистели осколки своих снарядов, слышался гул моторов немецких танков, скрип обозных телег. Враг был совсем близко. Но люди бесстрашно ползли вперед, чтобы еще точнее направить на врага огонь могучей маратовской артиллерии. Так продолжалось всю ночь.

А 13 сентября «Марат» вновь громил немецкие позиции.

14 сентября сильный огневой шквал продолжался.

15 сентября «Марат» на предельной дистанции поражал глубину немецкой обороны и тылы гитлеровских войск.

Тяжелый, непоправимый урон несли немцы в технике и живой силе. Прорваться в северную столицу им не удалось. Тогда немецкое командование пустилось на хитрость.

В разгар стрельб маратовские радисты вдруг услышали в эфире:

— На «Марате»! Командующий флотом приказал прекратить огонь!

— Товарищ командир, немец просит пардону, — не снимая наушников, доложил радист управляющему огнем.

— Ага, в таком случае придется им прибавить.

И тут же последовала команда:

— Три залпа через десять секунд!

Сильный грохот прокатился над городом и широкой Невой.

— Хорошо... Хорошо! — доносили с корректировочного поста.

— На «Марате!» На «Мар...» — пыталась повторить немецкая радиостанция, но на полуслове оборвала свою передачу. Это была ее последняя передача.

16 сентября выдалось ясное безветреное утро.

Тяжелая дальнобойная батарея немцев открыла беглый огонь по месту стоянки «Марата».

На сигнальные посты передали:

— Смотреть в оба. Засечь по вспышкам батарею.

Бинокли корректировщиков и наблюдателей внимательно изучали лесистые берега. Прошло несколько секунд, и краснофлотец, находившийся высоко на формарсе, заметил вспышки батареи, укрытой на восточном склоне горы В.

Подобно тяжелым молотам, обрушились на нее пушки «Марата». А еще через мгновение корректировщики увидели, как после второго залпа там, на горе, в зарослях леса, в воздух взлетели обломки орудий.

Батарея замолкла. Но тут же дала о себе знать другая — подвижная железнодорожная батарея. Она пристрелялась к стоянке линкора, и один ее снаряд разорвался на корабле.

Пламя поползло по палубе. Командиры Каргин, Кудрявцев, Бенеманский и политрук Полагин бросились к очагу огня. В густом черном дыму инженер-капитан-лейтенант Каргин растягивал шланг и струей воды сбивал пламя. Ни паники, ни растерянности — точно на учениях маратовцы тушили пожар. А в это время линкор продолжал вести стрельбу. Старшина 2-й статьи Гроссман с формарса корректировал огонь главного калибра.

Пожар удалось потушить к часу дня, и линкор уже вышел из гавани, а немецкая батарея все продолжала бить по тому месту, где стоял корабль.

После полудня небо покрылось тучами. Лишь кое-где виднелись голубые просветы. Враг немедленно постарался использовать погоду, и в начале второго из-за туч вынырнули фашистские бомбардировщики.

— Прямо по курсу самолеты противника...

Заговорили носовые зенитки, длинными трассирующими очередями строчили пулеметы.

Двадцать три «Юнкерса» неслись курсом на корабль. Фашистские пикировщики бросались отвесно на «Марат», сбрасывали бомбы, строчили из пулеметов. Зенитчики били по ним в упор, даже не пригибая головы.

Вот пикирует ведущий эскадрильи воздушных разбойников.

— Фашист идет в пике, — послышался голос наблюдателя.

— Ну и пусть идет, — спокойно отвечает командир отделения Цируль. — Посмотрим только, выйдет ли он из него. — И, быстро наведя орудие, выпускает несколько снарядов.

Один из снарядов поразил мотор. Немец задымил и пошел на снижение.

С воем и свистом пикировщики бросались на носовую рубку. Зенитки работали с предельной нагрузкой. Перед немецкими самолетами вырастала сплошная огневая завеса разрывов.

Бомбы падали в десяти-пятнадцати метрах от линкора. Вода как бы вскипала у бортов корабля. Высокие водяные валы вместе с осколками бомб летели на палубу. В воздухе стоял глухой металлический гул.

В этом шуме и грохоте нужна была абсолютная ясность мысли и точность движений. Важно было не растеряться, не замешкаться, ни на минуту не прекращать огня. В этом спасение корабля. И, стиснув зубы, зенитчики делали свое дело, противопоставляя наглости фашистских ассов свое уменье и отвагу.

Орудия раскалились. Кто-то из краснофлотцев сообразил, намочил несколько бушлатов и накинул их на пушки. Вода мгновенно испарялась. От бушлатов сразу поднимался густой пар. Стали приносить мокрые брезентовые чехлы и ими укутывать пышущие жаром стволы зенитных пушек.

А бомбы рвались то совсем рядом, то вдали. Огонь мелькал перед глазами, и грохот стоял в ушах.

Острое стальное жало вонзилось в ногу старшины зенитной батареи мичмана Котова. Превозмогая боль, Котов продолжал управлять огнем зенитной батареи, подбадривая бойцов.

В башнях, в погребах, в машинном отделении все работали с прежней ритмичностью. Орудия главного калибра не прекращали огня по фашистской береговой батарее.

Раненых заменяли товарищи. На место выбывших из строя командиров становились краснофлотцы. И бой продолжался — упорный, напряженный бой нервов, характеров, воли...

...Наступила зима. Финский залив сковало плотными льдами. Грохот орудий «Марата» попрежнему ежедневно прокатывался над Балтикой.

В одну из морозных ночей снег падал густыми хлопьями и ровной пеленой ложился на лед. Краснофлотцы-разведчики в белых маскировочных халатах пробирались старинным Петергофским парком. Разведчики достигли места, где десятилетиями красовалась величественная бронзовая фигура «Самсона». Немцы увезли ее. На месте монумента остался лишь невысокий бугорок. Разведчики подкрались к землянке и услышали чужую речь. Осторожно обойдя дот, они заметили контур танка и подле него коченеющего от холода немецкого часового. Детально изучив вражеское расположение, моряки к рассвету возвратились к себе в часть.

Данные разведки поступили на линкор. И снова «Марат» стал готовиться к бою. Из погребов подавались снаряды. Гул башенных залпов прокатывался в морозном воздухе.

И так на протяжении всей зимы, в самые жгучие морозы немцам под Ленинградом бывало жарко от «огонька» маратовской артиллерии. Вместе с бойцами Красной

Армии моряки задержали, обескровили, измотали врага под Ленинградом.

Банкет германских офицеров в гостинице «Астория» так и не состоялся. «Марат» и кронштадтские форты огнем своей артиллерии перемололи у стен Ленинграда триста тысяч гитлеровцев и в том числе тех, кто чистил немецкие мундиры, готовясь победно пировать в «Астории».

Ныне сражение продолжается, нарастает. Изо дня в день, сутки за сутками «Марат» ведет борьбу за великий город на Неве, за нашу славную, могучую родину.

Гребенщиков

ЛИТЕРАТУРА

Петров, Обзор главных кампаний и сражений 1914 г.
Залежский, Борьба за Балтфлот.
Егоров, Балтфлот в годы реакции.
Балтфлот (сборник документов).
Новая история, часть 1-я под ред. акад. Тарле и др.
Российский императорский флот 1914 года, изд. Сытина.
Пухов, Балтийский флот в обороне Петрограда.
Ралль, Как живет линейный корабль «Марат».
Флот в боях за родину, сборник. Военмориздат, 1938 г.
Соболев, Капитальный ремонт. Книга 1-я.
Флот нашей родины, сборник. Военмориздат, 1940 г.
«Котлин» — газета, выходившая в Кронштадте в 1909—1916 гг.
Журнал «Морской сборник» № 15/16 1939 г.
Сергеев, Оборона Петропавловска-на-Камчатке.

Кроме того, в книге использованы материалы Центрального военно-морского исторического архива, Военно-морского музея, Военно-морской исторической комиссии и многочисленные воспоминания старых матросов-петропавловцев — активных участников революционного движения и первых командиров Красного Флота.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Глава первая. Рождение „Петропавловска“	3
Глава вторая. Город-герой	11
Глава третья. Империалистическая война	17
Глава четвертая. Матросы и офицеры	20
Глава пятая. Предвестники Октября	23
Глава шестая. Красный флаг на „Петропавловске“	31
Глава седьмая. Ледовый поход	43
Глава восьмая. 1918 год	48
Глава девятая. На защите красного Петрограда	50
Глава десятая. Жан-Поль Марат	65
Глава одиннадцатая. Во флот приходит комсомол	69
Глава двенадцатая. Фрунзе на „Марате“	77
Глава тринадцатая. Под флагом наркома Ворошилова	84
Глава четырнадцатая. Второе рождение корабля	87
Глава пятнадцатая. Высокая оценка	91
Глава шестнадцатая. Время не терпит, приближается война.	96
Глава семнадцатая. На Спитхэдском рейде	100
Глава восемнадцатая. Школа бесстрашных моряков	103
Глава девятнадцатая. „Марат“ громит врага	110
Глава двадцатая. Огонь главного калибра	126
Литература	142

Редактор *Гр. Игнаткович*

Подп. к печати 15/VIII 1942 г. ГМ31892.
Печ. л. 4½. Печ. зн. в 1 п. л. 61052.
Уч.-авт. 6,1.

Тип. „Красный печатник",
ул. 25 Октября, д. 5. Зак. 580.

2 руб.